

Санкт-Петербургский государственный университет

БАХОЛЬСКАЯ Анастасия Алексеевна

Выпускная квалификационная работа

**Эго-документ как источник изучения языковой картины мира
(на материале воспоминаний Д.В. Григоровича «Корабль Ретвизан»)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5621. «Русский язык»
Профиль «Русский язык»

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент кафедры
русского языка
Старовойтова Ольга Альбертовна
Рецензент:
к.ф.н., в.н.с.
ИЛИ РАН
Калиновская Валентина Николаева

Санкт-Петербург
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. К вопросу об эго-документах.....	5
1.1 История становления понятия эго-документ.....	6
1.2 Исследование понятия эго-документ в отечественной науке	8
1.3 Воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» в системе эго-документов.....	10
Глава 2. Языковая картина мира как объект лингвистического описания	12
2.1 История становления понятия языковая картина мира.....	13
2.2 Многообразие интерпретаций понятия языковой картины мира	15
2.3 Проблема языковой картины мира в современной лингвистике	17
2.4 Особенности феномена языковая картина мира	18
Глава 3. Языковая картина мира в воспоминаниях Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"»	21
3.1 История написания очерков Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» .	21
3.2 Составляющие языковой картины мира на материале очерков Д.В. Григоровича	23
3.2.1 Автор и читатель (особенности выстраивания взаимоотношений) .	24
3.2.2 Авторская оценка.....	27
3.2.3 Особенности авторского восприятия.....	30
3.2.4 Авторский языковой контент (особенности лексической наполняемости)	36
3.2.5 Автор и корабельная среда (особенности быта матросов).....	45
3.2.6 Автор и корабль	49
3.2.7 Автор и пространство (особенности в восприятии культур других стран).....	51
3.2.8 Личность автора (особенность самовосприятия).....	53
3.2.9 Автор и женщины (особенность личных предпочтений).....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время со стороны как историков, так и филологов наблюдается повышенный интерес к эго-документам. Ежегодно проводятся различные конференции и симпозиумы, а также ведется активная научная работа по сбору и дальнейшей публикации эго-документов.

Множество ученых (О.В. Петешова, Н.Н. Дюмон, В. Деннингхаус, А.И. Савин, Т.В. Савина, Е.В. Богданова и др.) начинают исследовать источники, содержащие следы жизненного опыта. Обращение к малоизвестным и неоконченным воспоминаниям Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» позволит расширить сферу применения эго-документов, уточнить их значимость, а также лучше понять языковую картину мира, описываемую автором. Все вышесказанное определяет **актуальность** исследуемой темы.

Цель исследования – изучить языковую картину мира по воспоминаниям Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"».

Достижению этой цели подчинены следующие **задачи**:

1. Изучить научно-лингвистическую литературу по исследуемой теме;
2. Выявить актуальные для исследования составляющие языковой картины мира Д.В. Григоровича;
3. Изучить особенности авторского сознания, ценностные ориентации и языковые приоритеты Д.В. Григоровича в очерках «Корабль "Ретвизан"».

Объектом исследования являются воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"».

Предметом исследования являются особенности языковой картины мира, проявляющиеся в произведении Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"».

Материалом исследования послужили воспоминания Д.В. Григоровича, описываемые в произведении «Корабль "Ретвизан"».

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: описание, сопоставление, изучение, анализ, синтез, сравнение, классификация, обобщение, систематизация.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды Я. Прессера, Р. Деккера, Ю.П. Зарецкого, Л.А. Софроновой, М.Ю. Михеева, Л.П. Репиной, Н.В. Суржиковой, Н.Д. Арутюновой, Анны. А. Зализняк, Ю.Н. Караулова, Н.Ю. Шведовой, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева и др.

Новизна исследования заключается в анализе языковой картины мира Д.В. Григоровича.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования лингвистического анализа текста Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» для уточнения языковой картины мира второй половины XIX века.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Материалы исследования были представлены на XXV международной открытой конференции студентов-филологов Санкт-Петербургского государственного университета в докладе: «К вопросу о специфике языковой картины мира в очерках Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"»».

Глава 1. К вопросу об эго-документах

В современном обществе наблюдается повышенный интерес к источникам, в которых содержатся следы памяти как отдельного человека, так и народа в целом в определенный исторический период. Так, можно наблюдать, как современными отечественными исследователями ведется активная научная работа по сбору и дальнейшей публикации эго-документов на единой платформе. В качестве примера можно привести проект «Прожито», где представлен расширенный электронный корпус дневников и воспоминаний, который периодически дополняется новыми публикациями. Также в последние годы проводятся различные конференции, основной темой которых является эго-документ. В качестве примера можно привести ежегодную конференцию, которую организует УрО РАН в рамках проекта РФФ под названием *«Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте»*, а также цикл конференций под названием *«Эго документ и литература»*, который проводит Институт русистики в Варшаве. Отметим, что на базе исследуемого понятия создаются и научные симпозиумы, как, например, симпозиум *«Первая волна русской эмиграции: историософия и эго-документы»*, который состоялся 26–27 ноября 2021 г. В его реализации приняли участие такие организации, как Будапештский русский центр при центре русистики Университета им. Л. Этвеша, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН в Москве, Исследовательский центр В. Иванова в Риме и др. Как можно судить из перечня организаций, изучение эго-документов является не только актуальным, но и межкультурным явлением.

Уточним, что внимание к эго-документам наблюдается не только со стороны историков, но и со стороны филологов. Исходя из этого можно сделать вывод о междисциплинарном существовании обозначенного феномена. Языковой интерес к данному явлению можно отследить в ряде таких работ последних лет, как: О.В. Петешова *«Особенности реализации*

языковой картины мира в текстах литературной диаристики: на материале дневников немецкоязычных писателей XX века»¹, Н.Н. Дюмон «Лингвистические особенности произведения мемуарного жанра «*Mémoires et dictées*» («Воспоминания и записки») Ж. Сименона»², В. Деннингхаус, А.И. Савин, Т.В. Савина «Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л.И. Брежнева»³, О.С. Аристархова «Языковые особенности дневников русских философов»⁴, Е.В. Богданова «Проблема реконструкции языковой личности автора в художественных произведениях дневникового жанра»⁵, Л.Н. Бруй «Экспрессивный синтаксис дневниковых записей»⁶ и др.

Таким образом, на сегодняшний день актуальность изучения эго-документов не вызывает сомнения. Ряд ученых изучает язык через обращение к мемуарным произведениям для более полного понимания «Я» автора, его системы взглядов, мышления, особенностей восприятия и т. д.

В следующих параграфах будет представлена история становления исследуемого понятия и его функционирование в отечественной науке.

1.1 История становления понятия эго-документ

В науке об эго-документе впервые заговорил известный историк Якоб (Жак) Прессер (1899–1970), впоследствии закрепляя обозначенный термин в голландской энциклопедии⁷. Под эго-документами исследователь понимал

¹ Петешова, О.В. Особенности реализации языковой картины мира в текстах литературной диаристики: на материале дневников немецкоязычных писателей XX века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Калининград, 2019. – 176 с.

² Дюмон, Н.Н. Лингвистические особенности произведения мемуарного жанра «*Mémoires et dictées*» («Воспоминания и записки») Ж. Сименона // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – №4. – С. 253–258.

³ Деннингхаус, В, Савин, А.И., Савина, Т.В «Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л.И. Брежнева» // Идеи и идеалы. – 2017. – №2. – Т. 1. – С. 92–102.

⁴ Аристархова, О.С. Языковые особенности дневников русских философов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – М., 2014. – 257 с.

⁵ Богданова, Е.В. Проблема реконструкции языковой личности автора в художественных произведениях дневникового жанра // Вестник Московского университета. – 2009. – №4. – С. 89–96.

⁶ Бруй, Л.Н. Экспрессивный синтаксис дневниковых записей // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. – 2018. – №3. – С. 18–20.

⁷ Presser, J. *Memoires als geschiedbron* // *Winkler Prins Encyclopedie*. – 1958. – Vol. 8. – P. 277.

такие письменные источники, в которых максимально исчерпывающе раскрывается «Я» автора. Таким образом, автор, выступая в качестве текстового субъекта, предстает перед читателем личностью с отличительным набором особенностей и качеств («distinctive ego»). В целях распространения введенного в научный оборот понятия об эго-документах в 1951 г. Прессер начинает преподавать в Амстердамском университете для кандидатов и магистров курс с одноименным названием.

В 1976 г. исследуемый термин был включен в авторитетный словарь нидерландского языка Ван Дале⁸. На сегодняшний день понятие об эго-документах получило распространение в ряде других языков, в том числе и русском.

Вслед за Прессером об эго-документах начинает писать другой не менее известный историк Р. Деккер. Под исследуемым термином ученый понимает те тексты, в которых автор повествует о личных делах, подробно описывая свои мысли и чувства. К эго-документам Деккер относит дневники, автобиографии и мемуары⁹.

В 1990-е гг. одним из первых, кто употребил данный термин в англоязычной научной литературе, был британский историк культуры П. Берк. В своих работах он писал о важности изучения эго-документов для лучшего понимания особенности личности в определенный исторический период¹⁰. В это же время историк Дж. Амеланг также начинает оперировать исследуемым понятием, отмечая его преимущество, заключенное во всеохватности и объединении разножанровых текстов-воспоминаний. К эго-документам исследователь причислял такие тексты, как воспоминания, дневники, письма, нарратив и др.¹¹

⁸ Dale van, J.H. Groot woordenboek der Nederlandse taal. – Nederlandse: Nijhoff, 1976. – Vol. 1. – P. 617.

⁹ Dekker, R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth Century // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. – 1999. – №2. – Vol. 23. – P. 256.

¹⁰ Burke, P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present. – 1997. – №2. – P. 21–24.

¹¹ Amelang, James S. The Flight of Icarus: Artisan Autobiography in Early Modern Europe. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – P. 7.

Немецкий историк В. Шульце в 1992 г. предложил расширить понятие об эго-документах, распространив его на тексты, написанные с согласованием официальных органов. Под данными текстами исследователь имел в виду прошения, письменные фиксации допросов, налоговые документы, различные протоколы и под.¹² Однако не все ученые приняли позицию Шульце, выразив сомнение в присутствии личного «Я» в обозначенных им текстах.

На сегодняшний день к эго-документам причисляют все дневниковые тексты, где «Я» автора проявляет себя наиболее открыто и полно. К таким текстам можно отнести записные книжки, письма, мемуары, путевые заметки, автобиографии, исповеди, рабочие тетради и т. д.¹³ Обозначенное понятие активно используется в научных работах исследователей и обладает собственной законченной структурой, которая включает в себя следующие аспекты: наличие прямого авторского высказывания, соответствие позиции рассказчика позиции автора, соответствие описанной в тексте действительности реальной действительности, субъективное восприятие мира, оперирование подлинными именами и датами¹⁴.

1.2 Исследование понятия эго-документ в отечественной науке

Понятие об эго-документах начало активно утверждаться в отечественной науке только в XXI в. Повышенный интерес к этой теме со стороны российских ученых можно наблюдать в работах Ю.П. Зарецкого¹⁵, Л.А. Софроновой¹⁶, М.Ю. Михеева¹⁷, Л.П. Репиной¹⁸, а также в коллективных трудах Института истории и археологии Уральского отделения РАН под ред.

¹² Schulze, W. Ego-dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichtein. – Berlin: Akad.-Verl., 1996. – P. 28.

¹³ Михеев, М.Ю. Дневник как эго-текст в России XIX–XX вв. – М.: Водолей, 2007. – С. 24.

¹⁴ Местергази, Е.Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. – М.: Совпадение, 2007. С. 49.

¹⁵ Зарецкий, Ю.П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. – 2008. – №1. – С. 329–340.

¹⁶ Софронова, Л.А. «Записки» Яна Хризостома Пасека: дневник, роман, энциклопедия. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – 398 с.

¹⁷ Михеев, М.Ю. Дневник как эго-текст в России XIX–XX вв. – М.: Водолей, 2007. – 264 с.

¹⁸ Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 7–13.

Н.В. Суржиковой¹⁹ и др. Отечественные исследователи не только рассматривают обозначенное понятие в диахронном аспекте, но и вырабатывают свои методы и подходы к его изучению.

Так, Ю.П. Зарецкий под эго-документом понимает инструмент анализа рассказов людей о себе²⁰. Указывая на истоки возникновения данного термина, исследователь отмечает, что долгое время в исторической науке не было подходящего понятия, которое бы могло объединить различные письменные свидетельства личностного характера. Рассматривая данное определение во времени, Ю.П. Зарецкий пишет, что потребность в едином наименовании разных жанров, в которых наблюдается функционирование личности автора в различных исторических эпохах, возникает в европейских странах только во второй половине XX века²¹. По мнению исследователя Н.В. Суржиковой, это связано с тем, что в это время происходит снижение интереса к официальным документам, а внимание историков начинает сосредотачиваться *«от событий к изучению состояний»*²².

В отечественной науке активно использует понятие об эго-документах Л.П. Репина, подчеркивая важность их исследования, так как именно в таких документах заключены образы индивидуальной памяти автора и его личный опыт, который гораздо богаче по наполняемости, чем коллективный опыт²³.

Доктор филологических наук М.Ю. Михеев, исследуя методы изучения эго-документов, выделяет два ключевых признака, характерных для эго-текстов: во-первых, ядром таких текстов должны являться обстоятельства из жизни самого автора, во-вторых, в тексте должно присутствовать

¹⁹ Суржикова, Н.В. Россия 1917 года в эго-документах. – М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2017. – 677с.

²⁰ Зарецкий, Ю.П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – №3. – С. 187.

²¹ Зарецкий, Ю.П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – №3. – С. 190.

²² Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург: АсПУр, 2014. – С. 6.

²³ Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – С. 431.

субъективное восприятие автора, иными словами, должна наблюдаться его эго-позиция²⁴.

Исследователь Н.М. Филатова подчеркивает, что отношение к понятию об эго-документах у ученых разнится, что приводит на сегодняшний день к сосуществованию разных алгоритмов при обращении с ними²⁵.

1.3 Воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» в системе эго-документов

В настоящей работе исследуются воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» в рамках изучения авторской языковой картины мира. Данный текст относится к эго-документам исходя из двух ключевых параметров: в соответствии с жанром и в соответствии со структурой эго-документов, которую предложил исследователь Е.Г. Местергази²⁶.

Начнем с того, что в записках о путешествиях Григоровича можно наблюдать полное соответствие позиции рассказчика с позицией автора, так как автор выступает действующим в событиях лицом. Реальная действительность соответствует действительности, описанной в тексте исходя из цели, которую преследовал Григорович: *«описывать только то, что вижу, то, что лично довелось наблюдать»* [Григорович 1873: 10].

Следующий параметр, включенный в структуру эго-документов и также отраженный в воспоминаниях Григоровича, – наличие в тексте субъективного восприятия мира. Так, автор описывает страны исходя из своей осведомленности, а также личного интереса. Прежде всего личный интерес писателя выражается через описания посещенных мест в соответствии с наличием/отсутствием в них исторического или художественного интереса.

²⁴ Михеев, М.Ю. Дневник как эго-текст в России XIX–XX вв. – М.: Водолей, 2007. – С. 73.

²⁵ Филатова, Н.М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. – 2018. – №1. – С. 39.

²⁶ Местергази, Е.Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. – М.: Совпадение, 2007. С. 49.

На основе этого признака Григорович формирует собственную оценку в отношении определенных городов и стран.

Использование подлинных имен, названий и дат в исследуемом тексте также является одним из ключевых параметров, которые включены в структуру эго-документов. Так, благодаря записям Григоровича, можно узнать исторически достоверную информацию о военном корабле «Ретвизан». Автор пишет, что корабль был выстроен в Петербурге 17 сентября 1855 г. и в этом же году спущен в Неву и переведен в Кронштадт. Во время их отплытия на борту находилось восемьсот человек экипажа и четыре кота.

С точки зрения исторической документальности отметим фиксацию писателем и других кораблей в своих очерках. Так, Григорович пишет, как «Ретвизан» покинул Кронштадт вместе с кораблем «Баян» 5 августа, в Ницце писатель упоминает встречу с фрегатом «Полкан», который на тот момент уже прибыл из Греции, а по пути в Геную «Ретвизан» присоединяется к таким кораблям, как «Громобой» и «Рюрик».

Имена исторических личностей и некоторые факты о них также находят место в записях о путешествиях Григоровича. Например, автор упоминает адрес Дюма-старшего, когда останавливается у него дома во время путешествия во Франции (Rue d'Amsterdam 77).

Находясь в Генуе, писатель отсылает читателя к путевым заметкам французского путешественника кавалера Ш. д. Бросса, который в 1740 г. писал о красоте генуэзских фресок. Сравнивая информацию из очерков с реалиями действительности, Григорович отмечает, что по прошествии ста пятидесяти лет от былого великолепия фресок не осталось ни следа.

Таким образом, воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» можно отнести к системе эго-документов и в дальнейшем рассматривать текст с позиции данного определения.

Выводы

Как было установлено, на сегодняшний день изучение эго-документов является актуальным и носит межкультурный и междисциплинарный характер. Ученые через обращение к мемуарным произведениям изучают не только исторические явления, но и языковые особенности авторов.

В науке об эго-документах впервые заговорил Якоб Прессер. Под эго-документами исследователь понимал такие письменные источники, в которых максимально исчерпывающе раскрывается «Я» автора.

В 1976 году исследуемый термин был включен в авторитетный словарь нидерландского языка Ван Дале.

Р. Деккер под исследуемым термином понимает те тексты, в которых автор повествует о личных делах, подробно описывая свои мысли и чувства.

В 1990-е гг. одним из первых, кто употребил данный термин в англоязычной научной литературе, был британский историк культуры П. Берк. В это же время историк Дж. Амеланг также начинает оперировать исследуемым понятием, отмечая его преимущество, заключенное во всеохватности и объединении разножанровых текстов-воспоминаний.

На сегодняшний день понятие об эго документах получило распространение в ряде других языков, в том числе и русском.

В современной отечественной науке повышенный интерес к этой теме со стороны соотечественников можно наблюдать в работах Ю.П. Зарецкого, Л.А. Софроновой, М.Ю. Михеева, Л.П. Репиной, Н.В. Суржиковой и др. Отечественные исследователи не только рассматривают обозначенное понятие в диахронном аспекте, но и вырабатывают свои методы и подходы к его изучению.

Выяснилось, что исследуемые воспоминания Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» относятся к эго-документам исходя из двух ключевых параметров: в соответствии с жанром и в соответствии со структурой эго-документов.

Глава 2. Языковая картина мира как объект лингвистического описания

На сегодняшний день понятие о языковой картине мира не утрачивает своей актуальности и активно исследуется как в мировой лингвистике, так и в отечественном языкознании. В первую очередь, это связано с повышенным интересом к антропоцентрическому подходу, который предполагает рассмотрение языковых особенностей через позицию *язык–человек*.

Далее будет представлена информация об истории становления данного понятия, его основных особенностях и многообразии его интерпретаций.

2.1 История становления понятия языковая картина мира

Возникновение исследуемого понятия восходит к трудам немецкого физика Г.Р. Герца, который в своей вступительной статье к «Принципам механики» первым обозначил метафору *мир = картина*²⁷. В дальнейшем понимание картины мира у разных исследователей начинает отличаться, что приводит к образованию нескольких подходов, в том числе языкового, который для данной работы представляет особенный интерес.

В рамках языкового подхода при формировании картины мира исследователи на первое место ставят язык. Австрийский философ Л. Витгенштейн, рассматривая связь между языком и действительностью в своем научном труде «Логико-философский трактат», первым предложил лингвистическую интерпретацию метафоры *мир = картина*²⁸. Его теория заключалась в том, что язык, как и мысль, являются «*проективным изображением*» реальности²⁹.

²⁷ Герц, Г.Р. Принципы механики, изложенные в новой связи. – М.: Акад. наук СССР, 1959. – С. 7.

²⁸ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Иностр. лит., 1958. – С. 34.

²⁹ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Иностр. лит., 1958. – С. 37.

В научных трудах о происхождении и жизни языка немецкого исследователя И.Г. Гердера также можно проследить истоки представлений о языковой картине мира. Гердер был убежден в сильной зависимости мышления от языка, рассматривая последний с позиции многочисленных понятий, которые на протяжении столетий дополнялись идеями народа. Исследователь писал: «Каждая нация говорит, как думает, и думает, как говорит»³⁰.

Философия языка Гердера сподвигла известного лингвиста-теоретика В. ф. Гумбольдта утверждать, что нет ничего более тождественного, чем «дух языка» и «дух народа». Для исследователя категория народного духа являлась центральной категорией в его концепции и представляла собой комплекс интеллектуальных ценностей и совокупность культуры народа в целом³¹.

Сложившееся в середине XX в. направление в языкознании – неогумбольдтианство – продолжило изучать язык в тесной связи с культурой народа. Немецкий языковед Й.Л. Вайсгербер был убежден в том, что в каждом языке заложена своя культурно-специфическая модель³². Для исследуемой им модели Вайсгербер первым предложил использовать такое научное понятие, как *языковая картина мира* (нем.: *sprachliches Weltbild*), которое впоследствии прочно закрепилось в современной российской лингвистике. Исследователь утверждал, что любой язык содержит свою собственную картину мира, а также выполняет функцию ее сохранения в рамках одного языкового сообщества. Вайсгербер писал, что для языка характерны не только внешние вспомогательные средства общения, но и сама основа для общения, иначе говоря, «единообразный у всех носителей данного языка образ мышления»³³.

Важным этапом в развитии теории языковой картины мира являются и труды американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа. Известно, что в

³⁰ Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – С. 76.

³¹ Гумбольдт, В. ф. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – С. 24.

³² Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа = *Muttersprache und geistesbildung*. – М.: УРСС, 2004. – С. 15.

³³ Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа = *Muttersprache und geistesbildung*. – М.: УРСС, 2004. – С. 33.

основе их гипотезы лежит представление о том, что люди по-разному воспринимают действительность, так как вынуждены рассматривать ее сквозь призму своего языка^{34 35}. Иными словами, язык напрямую влияет на то, как его носитель видит окружающую реальность, и его представления об этой реальности обусловлены характером языковой системы. Соответственно, если каждый язык отображает действительность определенным образом, значит, для каждого языка характерна особая языковая картина мира.

В дальнейшем понятие языковой картины мира начинает активно внедряться в отечественную науку. В рамках данной проблемы работают такие исследователи, как Н.Д. Арутюнова³⁶, Анна. А. Зализняк³⁷, Ю.Н. Караулов³⁸, Н.Ю. Шведова³⁹, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев⁴⁰ и мн. др. Отечественные лингвисты начинают разрабатывать собственные интерпретации исследуемого термина, которые будут рассмотрены подробнее в следующем параграфе.

2.2 Многообразие интерпретаций понятия языковой картины мира

В лингвистике существует большое количество определений исследуемого понятия, в каждом из которых делается акцент на отдельных сторонах обозначаемого явления. Соответственно, на сегодняшний момент феномен языковой картины мира не может считаться общепринятым термином.

³⁴ Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 229.

³⁵ Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – 1960. – №1. – С. 197.

³⁶ Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

³⁷ Зализняк, Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 691 с.

³⁸ Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2004. – 261 с.

³⁹ Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3–16.

⁴⁰ Зализняк, Анна. А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 540 с.

Так, по Ю.Н. Караулову, языковая картина мира – это совокупность всего концептуального содержания данного языка⁴¹. Исследователь считает, что личность осваивает языковую картину мира непосредственно через язык, а затем через усвоенные языковые единицы проецирует себя в мир.

Н.Ю. Шведова трактует языковую картину мира как изображение действительности, осуществляемое средствами языковых номинаций⁴². При интерпретации данного понятия исследователь обращает особое внимание на взаимосвязь человека с его жизнедеятельностью и пространством, в котором он находится, – будь то природа, область созданных человеком мифов или социум.

Анна А. Зализняк определяет языковую картину мира через совокупность представлений о действительности, заключенных в значении разных единиц данного языка⁴³. Такими языковыми единицами могут выступать полнозначные лексические единицы, дискурсивы, устойчивые сочетания, синтаксические конструкции и др. По мнению исследователя, представленные единицы способны складываться в особую единую систему взглядов.

Современный исследователь И.Б. Левонтина под языковой картиной мира понимает отраженный в языке способ мировосприятия, иными словами, концептуализацию действительности⁴⁴.

Языковед Л.А. Климкова под языковой картиной мира понимает *«субъективный образ объективного мира»*, который выступает в качестве результата речемыслительной деятельности народа на протяжении многих лет⁴⁵. Иными словами, языковая картина мира становится для исследователя

⁴¹ Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2004. – С. 45.

⁴² Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 9.

⁴³ Зализняк, Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 115.

⁴⁴ Зализняк, Анна А, Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Яз. славянских культур, 2005. – С. 240.

⁴⁵ Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – М., 2008. – С. 25.

особым культурным кодом, который может определить сознание носителя языка.

Исследователь Е.С. Яковлева полагает, что языковая картина мира представляет собой существующую в языке особую модель восприятия действительности для конкретного народа⁴⁶. По словам Р.Х. Хайруллиной, языковая картина мира включает в себя комплекс языковых микромиров, наличие которых определено многофункциональностью языка, а также целями между людьми в различных коммуникативных ситуациях⁴⁷.

Таким образом, можно уточнить, что языковая картина мира представляет собой определенную информацию о мире, транслируемую с помощью разноуровневых языковых единиц. Каждый язык включает в себе особую систему, которая способна влиять на мировосприятие носителей данного языка.

2.3 Проблема языковой картины мира в современной лингвистике

В последние годы понятие языковой картины мира все более активно разрабатывается и используется в научных лингвистических исследованиях самой широкой направленности.

С одной стороны, современные исследователи продолжают использовать исследуемое понятие. Язык, рассуждает С.Г. Тер-Минасова, отражая окружающий мир, создает свою картину действительности, которая является уникальной для каждого языкового коллектива. В качестве примера исследователь сопоставляет лексику русского и английского языков, отмечая, что в русском языке наблюдается лексическое разнообразие, связанное с зимой и снегом, которое можно отследить через лексемы *пурга, метель, буран*,

⁴⁶ Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – №1. – С. 48.

⁴⁷ Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: Тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01 – М., 1997. – С. 41.

вьюга и др. В английском же языке данное разнообразие выражается одним словом *snowstorm*, которое используется при описании погоды в зимний период⁴⁸.

С другой стороны, ряд современных исследователей говорит о метафоричности исследуемого понятия. Например, В.А. Маслова пишет, что в действительности специфические особенности национального языка не могут создавать неповторимую картину мира, а могут только придавать этому миру особую красочность⁴⁹.

Ответим, что в рамках когнитивной лингвистики вместо понятия языковая картина мира основополагающим понятием является концептуальная картина мира, которая подразумевает совокупность знаний о действительности, а также способы объяснений новых знаний⁵⁰.

Таким образом, рассматриваемое понятие принимается не всеми лингвистами, однако продолжает активно исследоваться в современной лингвистике.

2.4 Особенности феномена языковая картина мира

Исходя из положений, представленных выше, мы определили, что языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком. Так, исследователь из Стэнфордского университета Лера Бородицки на конференции «TED talks» рассказывала о работе с племенем австралийских аборигенов – куук-таайорре. Оказалось, в языке куук-таайорре отсутствуют такие слова, как «левый» и «правый», однако вместо них используются названия частей света для указания местоположения, из-за чего люди из этого племени гораздо лучше ориентируются в пространстве и обладают более

⁴⁸ Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – С. 77.

⁴⁹ Маслова, В.А. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – С. 49.

⁵⁰ Маслова, В.А. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – С. 63.

развитой пространственной памятью, чем люди, не владеющие данным языком. Примечательно, что представители данного племени совершенно по-особому толкуют и время, которое у них также зависит от сторон света.

К числу особенностей языковой картины мира можно отнести и наличие у нее имен-концептов. Ключевые слова определенного языка и воплощенные в нем образы и понятия могут в полной мере охарактеризовать культурные идеалы и национальный характер определенного народа. Имена-концепты сохраняют народный опыт, таким образом участвуя в формировании менталитета нации. Так, в нашей языковой действительности большая роль принадлежит таким словам-концептам, как Родина, Душа, Народ и др.

Отметим, что языковая картина мира может быть создана на разных языковых уровнях. Например, на лексическом уровне в этом могут участвовать фразеологизмы, лингвоспецифичная лексика, которая не имеет полных аналогов при переводе, мифологемы и др. На уровне словообразования начинают привлекаться словообразовательные средства, например, для выражения различной степени величины признака, предмета или явления, а на уровне грамматики внимание исследователей начинает фокусироваться на семантике частей речи, роли отдельных грамматических категорий при языковом способе отражения реальности и т. д.

Выводы

На сегодняшний день понятие о языковой картине мира продолжает оставаться актуальным и активно исследуется как в мировой лингвистике, так и в отечественном языкознании.

Возникновение исследуемого понятия восходит к трудам немецкого физика Г.Р. Герца, который первым обозначил метафору *мир = картина*. Л. Витгенштейн, рассматривая связь между языком и действительностью в своем научном труде «Логико-философский трактат», первым предложил лингвистическую интерпретацию метафоры Герца.

О единстве языка и духа писал В. ф. Гумбольдт, а сложившееся в середине XX в. направление неогумбольдтианство продолжило изучать язык в тесной связи с культурой народа.

Важным этапом в развитии теории языковой картины мира являются труды американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, которые утверждали, что язык напрямую влияет на то, как его носитель видит окружающую действительность.

В дальнейшем понятие языковой картины мира начинает активно внедряться в отечественную науку. В рамках данной проблемы работают такие исследователи, как Н.Д. Арутюнова, Анна. А. Зализняк, Ю.Н. Караулов, Н.Ю. Шведова, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев и мн. др. Отечественные лингвисты начинают разрабатывать собственные интерпретации исследуемого термина и выявлять характерные для него особенности.

К числу особенностей языковой картины мира можно отнести наличие у нее имен-концептов, а также ее функционирование на разных языковых уровнях.

Глава 3. Языковая картина мира в воспоминаниях Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"»

Исходя из информации, представленной в предшествующих главах, можно сделать вывод, что эго-документы не только помогают в исследовании конкретных исторических событий, но и являются необходимым источником при изучении индивидуального восприятия и оценки действительности автором, его мировоззрения и эмоционального мира, выраженных посредством языковых единиц данного языка. Иными словами, именно эго-документы позволяют лучше осознать авторскую языковую картину мира, все то, что представляет из себя сам автор и его мироощущение, обозначенное в мемуаристике как более полное, живое и явное.

Далее будет приведено подробное исследование языковой картины мира на материале воспоминаний Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"».

3.1 История написания очерков Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"»

Положение Д.В. Григоровича в отечественной литературе определяется, в первую очередь, такими его известными крестьянскими повестями, как «Антон-Горемыка» (1847 г.) и «Деревня» (1846 г.). О важном значении данных работ писали В.Г. Белинский⁵¹, Л.Н. Толстой⁵² в личном письме Григоровичу, М.Е. Салтыков-Щедрин⁵³ и другие известные литературные критики и писатели. Однако до сих пор малоизученными остаются литературные воспоминания Григоровича (1892–1893 гг.), которые

⁵¹ Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 20.

⁵² Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 72. – С. 154–155.

⁵³ Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1972. – Т. 13. – С. 468.

он писал, находясь на корабле «Ретвизан». Сам писатель называет их похождениями или записками [Григорович 1873: 385].

В 1858–1859 гг. по приглашению морского министерства Григоровича приняли на военный корабль «Ретвизан» в качестве писателя для того, чтобы он путешествовал вместе с командой под руководством вице-адмирала В.Ф. Таубе по разным странам и в подробностях записывал увиденное. Григорович о сложившей перспективе говорил следующее: «...*Возможность объехать свет, увидеть незнакомые страны, куда давно влекло воображение, испытать ряд новых впечатлений – всё это было слишком соблазнительно, чтобы не воспользоваться таким случаем...*»⁵⁴.

Григорович был вдохновлен возможностью участвовать в экспедиции и благодаря статьям литератора И.А. Шестакова на военно-морскую тематику, которые на тот момент были опубликованы в «Морском сборнике». Писатель отзывался о них как о превосходных статьях, советуя к прочтению [Григорович 1873: 5].

После окончания поездки Григорович написал несколько очерков, которые были опубликованы в «Морском сборнике» (1859–1862 гг.), а позже в журналах «Современник» и «Время».

В 1873 г. состоялась публикация текста в дореволюционном собрании сочинений⁵⁵, затем в 1896 г. воспоминания писателя были включены в девятый том раритетного собрания сочинений в 12-ти томах.

Исследуемый текст состоит из семи самостоятельных глав, каждая из которых может функционировать и как отдельное произведение. Однако сама работа остается незавершенной и обрывается на моменте остановки «Ретвизана» в Ницце. Такие места, как Чивитавеккья, Неаполь, Сицилия, Палермо и многие другие, обозначенные в маршруте экспедиции, остались неописанными.

⁵⁴ Григорович, Д.В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 159.

⁵⁵ Настоящее исследование проводилось на основе данной публикации.

Отличительной особенностью очерков является наличие абреже – длинных описательных подзаглавий, представляющих собой аннотацию к последующему содержанию с целью облегчить чтение и подготовить читателя воспринимать дальнейший текст: «Глава VII. Ницца. Север на юге. — Черта из корабельных нравов. — Вилла-Франка. — Интересная соотечественница. — Мишель Пуно снова выступает на сцену. — Ницца a vol d'oiseau. — Цветочная лавка. — Прогулка англичан. — Table d'hote. — Mr Sotumier. — Ущелье Маньяно. — Генуя. — Общее впечатление...» [Григорович 1873: 334].

Данный предтекстовый элемент является отличительной особенностью как для справочной литературы, так и для романов о путешествиях. Описанный литературный прием можно встретить, например, у Ж.Г. Верна⁵⁶, Л.А. Буссенара⁵⁷, В.И. Пальмана⁵⁸, В.К. Арсеньева⁵⁹ и других писателей.

3.2 Составляющие языковой картины мира на материале очерков Д.В. Григоровича

Повествовательная манера письма Д.В. Григоровича, многоплановость его творческой личности, а также собственно-специфический взгляд на мир позволяют проанализировать его языковую картину мира для лучшего понимания авторского сознания, его ценностных ориентаций и языковых приоритетов.

При дальнейшем рассмотрении авторской языковой картины мира уместнее будет представить ее в виде соответствующих разделов.

⁵⁶ Верн, Ж.Г. Таинственный остров. – М.: Детская литература, 1981. – С. 7.

⁵⁷ Буссенар, Л.А. Капитан Сорвиголова. – М.: Оникс, 2007. – С. 55.

⁵⁸ Пальман, В.И. Кратер Эршота. – М.: Детгиз, 1958. – С. 34.

⁵⁹ Арсеньев, В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1986. – С. 10.

3.2.1 Автор и читатель (особенности выстраивания взаимоотношений)

Авторское «Я» в эго-документах, как правило, является действующим лицом в событиях. Ему подчинены рефлексия, память и интерпретация происходящего, которые определяют само повествование⁶⁰. Под авторским «Я» в исследуемых очерках подразумевается сам Д.В. Григорович, который выступает основным субъектом речи и обнаруживает себя явно, намеренно не уходя за рамки повествования.

В статье «Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа» Л.М. Бондарева пишет, что для большинства текстов-воспоминаний характерно выстраивание диалога между автором и «фиктивным» читателем⁶¹. «Фиктивный» читатель, объясняет исследователь, – это один из типов читателей, который свободно введен в поверхностную структуру текста при помощи определенных номинаций, а также прямых или косвенных обращений к нему со стороны рассказчика. Таким образом, «фиктивный» читатель и субъект речи существуют в тесном контакте как друг с другом, так и с текстом.

Через свои воспоминания Григорович выстраивает с читателем доверительную коммуникацию. На материале исследуемого произведения мы можем наблюдать ее, во-первых, через функционирование прямого авторского обращения к «фиктивному» читателю через неоднократное использование самой номинации *читатель* (свыше 150 раз), а также через использование личных местоимений 2-го лица, мн. ч, служащих для демонстрации уважения и вежливого отношения к читателю: «Прежде всего **вам** предстоит пройти длинную-длинную дорогу» [Григорович 1873: 12]; «как я уже сказывал **вам**, у матросов наших во всем свои особенности» [Григорович 1873: 151] и др.⁶²

⁶⁰ Луцевич, Л.Ф. Автобиографические исповеди в литературе: претексты, тексты, контексты. – М.: Наука, 2020. – С. 24.

⁶¹ Бондарева, Л.М. Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа («литература воспоминаний» в свете прагмалингвистики) // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград: Изд-во КГУ, 1996. – С. 28.

⁶² Все примеры из дореформенного издания в настоящей работе приводятся с изъятием ера, заменой *ъ* на *е*, *і* на *и*, орфография и пунктуация источников сохранена.

«Эффект приближения» читателя является особенностью исследуемых очерков и достигается при помощи форм глаголов 2-го лица, мн. ч.: *«Обернитесь спиной к морю, а лицом **станьте** к городу <...> перед вами развертываются отлогие холмы»* [Григорович 1873: 331] и др.

В диалоге с читателем Григорович, как правило, берет на себя роль наставника, часто обращаясь к нему в тех случаях, когда он хочет показать высокую эрудицию или дать пояснение происходящему: *«Вы спросите вероятно: почему русскому, чисто-национальному кораблю, дано шведское название <...> «Ретвизан» выражает две мысли: победа над Шведами, и главное, преуспевание наше в кораблестроительном искусстве»* [Григорович 1873:16]; *«"Ретвизан" <...> начал входить в гавань Виллафранки <...> может казаться интересным предание, будто бы гавань эта вырыта товарищами Геркулеса в память победе над лигурийцами»* [Григорович 1873: 338]; *«Богатство Копенгагена создано почти одним лицом; – лицо это – Торвальдсен»* [Григорович 1873: 111] и др.

Иными словами, мы можем наблюдать, как авторское «Я» Григоровича стремится явить собой пример просвещенной личности, умеющей понять и оценить исторический опыт другого народа и выделить в нем главное для читателя.

Отметим, что в воспоминаниях Григоровича доминирует не объективно-нейтральный стиль «ретранслятора», описывающего чужой мир, а эмоциональная, лично окрашенная речь, настраивающая читателя на позитивный отклик. Эмоциональная доминанта текста – позитивно-ироничная, она выступает как способ установки положительного контакта Григоровича со своим читателем. Такая доминанта заметна, например, при описании неприветливости Средиземного моря после теплых дней в Испании: *«Закон равновесия, который так справедливо **развешивает** в жизни человеческой порции радости с порциями горечи, спешил, однакож, с особенным усердием исполнить над нами свой **приговор**»* [Григорович 1873: 338]. Данную доминанту можно заметить и в следующем примере: *«Не знаю*

наверное, способствовало ли тому улучшение погоды или личное усердие, подкрепляемое соображениями дипломатического свойства, только к нам не замедлил явиться секретарь нашего консула в Ницце» [Григорович 1873: 340].

Ирония Григоровича сквозит и в выражаемом отношении к известным личностям-современникам. Так, узнав о том, что французский писатель Жан-Батист Альфонс Карр торгует срезанными цветами, Григорович с юмором предполагает, что такой род деятельности был выбран, чтобы казаться в глазах прекрасного пола еще интереснее: *«Я готов думать, что у него не было даже другой цели, когда в продолжении двадцати лет и чуть ли не в каждой своей книге рассказывал он, как страстно любит цветы, как способен целые сутки не отрываться от бирюзовых лепестков Vergiss-mein-nicht»* [Григорович 1873: 348]. Завершая свою мысль, писатель отмечает, что Карру не достает только лично находиться за цветочным прилавком *«и даже в костюме пастушка»* [Григорович 1873: 349].

В своем тексте Григорович делится с читателем большим количеством морских традиций, переосмысливая для себя каждую. Например, он упоминает обычай, когда судно, проходя мимо острова Гогланда, должно было сбросить в море несколько монет, чтобы задобрить окружающие его ветра. Подчеркивая бесполезность данного действия, писатель выводит шутовское предположение о том, что выражение *«сердце твердое как гранит»* возникло на основе ситуации с Гогландом, чье сердце *«так упорно оставалось нечувствительным к взяткам»* [Григорович 1873: 45].

Как правило, ирония достигается писателем путем метафорических переносов, намеренного преувеличения, использования эпитетов и непрямого порядка слов.

Подытожим рассуждения и в завершение отметим, что отличительной особенностью авторского «Я» Григоровича является выстраивание доверительного диалога с читателем, в котором писатель раскрывает черты

своей личности, а также делится знаниями об окружающей его действительности.

3.2.2 Авторская оценка

Особенность восприятия и авторской оценки в отношении событий, предметов и явлений действительности помогают проследить используемые в тексте эмоционально-оценочные прилагательные. В исследуемом тексте можно заметить следующую тенденцию: большинство прилагательных с отрицательной оценкой свойственны для описания погодно-климатических условий (дождя, тумана, ветра, изморози) во время плавания на корабле. Данная погода характеризуется писателем через лексемы *скверный*, которая встречается в тексте 15 раз, и *дурной*, которая встречается 7 раз.

Лексема *дурной* в СРЯ XVIII объясняется через лексему *скверный* в значении '*плохой, скверный по своим качествам, свойствам (о предметах, явлениях)*'⁶³.

В исследуемом тексте лексема *дурной* фигурирует у писателя только в сочетании с лексемой *погода*, тем самым выражая категорическую его неприязнь к климатическим условиям во время длительного морского путешествия.

Лексема *скверный* употреблена в тексте в значении '*очень плохой*'⁶⁴. Она фигурирует у писателя в таких сочетаниях, как «*скверная погода*», «*скверный ветер*». Отметим, что ледяной ветер, сопровождающий в морском путешествии, неоднократно напоминает писателю пронзительный северный ветер Петербурга.

Имена прилагательные с положительной оценочной коннотацией свойственны при описании природы, памятников архитектуры и искусства, а также гастрономических предпочтений самого писателя.

⁶³ Словарь русского языка XVIII в. – Л.; СПб.: Наука, 1992. – Вып. 7. – С. 33.

⁶⁴ Большой академический словарь. – СПб.: Наука, 2019. – Т. 25. – С. 649.

Самой частотной является лексема *великолепный*, которая встречается 26 раз. Григорович использует ее при описании как природной действительности, так и архитектуры. Так, *великолепным* у него являются: *дворец, панорама, горы, храм, сад, природа, залив, портал церкви, монастырь* и др.

В тексте лексема *великолепный* представлена в двух значениях: ‘*поражающий красотой, богатством, пышностью*’ и ‘*прекрасный, превосходный (как высшая оценка)*’⁶⁵. Она, прежде всего, указывает на эстетическую привлекательность предмета в глазах писателя, а также помогает лучше познакомиться с его художественным вкусом.

Также при анализе текста было выделено большое количество примеров, в которых автор использует лексему *роскошный*. Данная лексема встречается в тексте 15 раз и используется автором в большей степени при описании окружающей его действительности: *роскошный залив; роскошная растительность; роскошная лиственная гуща* и др. Григорович использует ее как в простой положительной степени, так и в превосходной: «*самая роскошная растительность покрывает горы, окружающие Генуи*» [Григорович 1873: 376].

В исследованных контекстах лексема *роскошный* выступает в следующих двух значениях: ‘*пышный в своем росте, цветении, природном богатстве; изобильный, цветущий*’ и ‘*удовлетворяющий высоким требованиям; превосходный, замечательный*’⁶⁶.

В отношении искусства Григорович использует лексему *замечательный*, которая также является частотной и встречается в тексте 18 раз. Данной лексеме соответствует значение ‘*исключительный по своим достоинствам*’⁶⁷. Отметим, что лексема не только указывает на высокое качество произведения,

⁶⁵ Словарь русского языка XVIII в. – Л.; СПб.: Наука, 1987. – Т. 3. – С. 19.

⁶⁶ Большой академический словарь. – СПб.: Наука, 2017. – Т. 24. – С. 36.

⁶⁷ Большой академический словарь. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 6. – С. 338.

но и выражает эмоцию автора-ценителя, который на протяжении всей своей жизни был близок к различным видам искусств.

Замечательным у Григоровича являются: *искусство, стиль, галерея, живопись, картина, дворец* и др.

В отношении гастрономических предпочтений писатель использует прилагательное *превосходный*, которое встречается в тексте 9 раз и является среднечастотным. Данная лексема выступает в значении ‘*очень хороший, прекрасный, замечательный*’⁶⁸. В тексте лексема *превосходный* сочетается со следующими лексемами: *устрицы, сыр, гранат, виноград, шримсы* и др.

Отметим, что при описании действительности доминирует превосходная форма прилагательных в элятивном значении. Элятивное значение прилагательных указывает на признак, который свойствен предмету в его абсолютной, предельной степени: «*живописнейшие виды на море*» [Григорович 1873: 390]; «*изящнейшая* церковь Генуи» [Григорович 1873: 377]; «*рай совершеннейший*» (о климате в Ницце) [Григорович 1873: 380] и др.

При составлении портретов писатель также пользуется элятивами, например: *милейший, умнейший, симпатичнейший, добрейший* и др.

Частое обращение к превосходной форме может говорить о высокой авторской эмоциональности и его открытости перед читателем, желании увлечь своими описаниями и как можно точнее передать свои впечатления от увиденного.

Также в тексте можно встретить краткие оценочные прилагательные, которые обладают большей экспрессивностью, так как обозначают переменный признак, развивающийся во времени: окрестности Генуи *очаровательны* [Григорович 1873: 377]; виды Ниццы *восхитительны* [Григорович 1873: 380] и мн. др.

⁶⁸ Большой академический словарь. – СПб.: Наука, 2011. – Т. 19. – С. 497.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Григоровичу в большей степени присуща ориентация на положительную оценку, что подкрепляется бóльшим количеством оценочных прилагательных с позитивной коннотацией. Свои положительные эмоции в отношении увиденного писатель выражает через такие прилагательные, как *великолепный, роскошный, замечательный, превосходный* и многие другие, помогающие ему донести до читателя всю красоту увиденного и осмысленного.

3.2.3 Особенности авторского восприятия

Интересной особенностью восприятия Григоровича является то, что он описывает мир вокруг себя, ориентируясь на информацию, полученную, в первую очередь, при помощи зрения, а не слуха, обоняния или ощущений. В начале своих очерков он дает себе и читателю слово: описывать только то, что видит, то, что лично довелось наблюдать. Так, например, писатель решает не описывать Кронштадт из-за поднятого ветром плотного слоя пыли: *«...надо было избрать одно что-нибудь: или открыть глаза и ослепнуть; или зажмурить глаза и не видеть Кронштадта; я решился на последнее»* [Григорович 1873: 11].

В своем тексте Григорович активно использует языковые средства, репрезентирующие ситуации зрительного восприятия: *«Немного погодя на помутившейся поверхности залива глаз явственно **начинает отличать широкую кайму грязи**»* [Григорович 1873: 268]; *«при входе на Жиральду после **первого беглого взгляда** все внимание отдаешь собору»* [Григорович 1873: 285]; *«**глаза не перестают мешиться** разнообразной гаммой цветов»* [Григорович 1873: 345]; *«улица узка, что **глаз не в состоянии обнять** любое здание выше второго этажа»* [Григорович 1873: 369] и др.

Отметим, что природная наблюдательность Григоровича, его внимание к деталям не раз подчеркивалась писателями-современниками. Так, для выражения зрительного восприятия писатель активно использует глаголы,

особенность которых заключается в выражении целенаправленного восприятия в течение длительного времени (данные глаголы встречаются в тексте более 50 раз): «*глаза мои **смотрели** на "Ретвизан"*» [Григорович 1873: 23]; «*понимаете ли: с матросами я могу встречаться только на корабле; мне, следовательно, надо ловить случай, чтобы **наблюдать** их*» [Григорович 1873: 68]; «*весело было **глядеть**, с какою быстротою мелькала пена*» [Григорович 1873: 49].

Особенно бросается в глаза визуальный тип мышления Григоровича, который заключается в его желании полностью охватить взглядом окружающие картины действительности. Именно поэтому в Генуе он ищет самую высокую точку города, чтобы «*получить понятие об **общей панораме***» [Григорович 1873: 346], а также старается брать номера в отелях на самых верхних этажах, если предоставляется такая возможность. Принцип всеохватности при изучении предметов и явлений действительности прослеживается в используемой писателем лексике: вид «***сверху донизу** расписан фресками*» [Григорович 1873: 376]; горы «***от подошв до маковки** усыпаны были садами*» [Григорович 1873: 345]; дворцы привлекали внимание «***от самого основания до верхушки***» [Григорович 1873: 346]; «***ветлы от корня до маковки** засыпаны пылью и мукой*» [Григорович 1873: 306] и др.

Григорович признается читателю, как при исследовании окружающего мира больше всего на свете он любит *созерцательные* прогулки [Григорович 1873: 358], а *пойти куда глаза глядят* считает лучшим методом исследования незнакомых мест [Григорович 1873: 358].

Следующей особенностью Григоровича является опора на художественное восприятие. Писатель имеет обширные знания в области искусства и полагает, что степень цивилизации выражается «***присутствием повсюду художеств***» [Григорович 1873: 112]. Григорович неоднократно говорит читателю о том, что определенные посещенные им за время странствия места могут быть настоящей находкой для живописца – например, маленькие города на дне долины в Бретани [Григорович 1873: 167], а также

торговые улицы Генуи, которые *«сами собою просятся на полотно»* [Григорович 1873: 339]. Недалеко от Монако автор, вдохновленный окружающей природой, пишет: *«Спуск по долинам рождает желание быть художником»* [Григорович 1873: 390].

Писатель и критик П.В. Быков в своих воспоминаниях характеризует Григоровича как человека, у которого *«тонкая бездна вкуса настоящего художника»*⁶⁹. И действительно, до того, как встать на писательский путь, Григорович учился в Императорской академии художеств, а после путешествия на корабле «Ретвизан» занял должность директора «Общества поощрения художеств». В молодости его наставником являлся известный архитектор М.А. Тамаринский. Писатель с юных лет обращался к кисти, создавая как портреты членов своей семьи, так и пейзажи, а также рисовал различные чертежи и создавал планы реконструкций (например, собор Святой Софии в Киеве). Упоминая о своих занятиях на корабле, Григорович пишет, как рисовал на бумаге несколько датских гербов, которые должны были украсить обеденный стол [Григорович 1873: 129].

Исследование текста помогло выявить яркую особенность языковой картины писателя: Григорович пишет, рисуя. Обращаясь к читателю, он просит его: *«читая мои путевые записки, представьте, что вы перелистываете альбом фотографий»* [Григорович 1873: 92]. Мнение Григоровича заключается в том, что *«сколько ни описывай красоту произведения – вы поймете его, как сами увидите. Хорошая фотография даст вам во сто раз больше понятия и удовольствия, чем самое блистательное описание»* [Григорович 1873: 189].

Известно, что в своей практике художники имеют дело с предметами и явлениями, которые необходимо представить наглядно. Вследствие этого им приходится постоянно насыщать свой мыслительный процесс визуальными образами. Григорович интересен тем, что способен перенести восприятие

⁶⁹ Быков, П.В. Силуэты далекого прошлого. – Л.: Земля и фабрика, 1930. – С. 88.

художника в литературный текст, используя свою особую образность: «*густые голубые тени напоминали акварели Корроди*» [Григорович 1873: 343]; «*на рембрандтовский манер рисуются фигуры торговцев*» [Григорович 1873: 366]; дворцы, «*лишенные света и затемненные временем*», статуи «*с черными пятнами копоти*» напоминают *картины Робера* [Григорович 1873: 369] и др.

Отметим, что частотной лексемой у Григоровича выступает *живописный* в значении «*красивый, достойный изображения живописью*»⁷⁰. В исследуемом тексте данная лексема встречается 25 раз. Так, живописным у писателя являются: *ущелье, скаты, домики, мельницы, массы зданий, местность* – все то, что относится к окружающей природной действительности.

О людях, которых довелось увидеть за время экспедиции, писатель также отзывается при помощи особой художественной образности: «*новые люди – новые впечатления, новое пятно на картине*» [Григорович 1873: 86].

При описании природы писатель часто мыслит формами и линиями: *уступы «скатываются по бокам конусообразной горы»*; *дорога «изламывалась прихотливыми зигзагами*» [Григорович 1873: 343]; «*на плоских, убегающих вдаль линиях пустыни вырезывался силуэт погонщика*»; «*Под ногами дугообразно разворачивается часть города*» [Григорович 1873: 378]; «*внутренность церкви имеет вид параллелограмма*» [Григорович 1873: 114]; «*Ницца, изгибающаяся белым полукругом по берегу*» [Григорович 1873: 363]; «*верхушки пирамидальных тополей*» [Григорович 1873: 87] и др.

Отметим, что для художника немаловажную роль играет гармония света и тени, именно поэтому Григорович неоднократно передает ее словесному описанию: «*тень от корабля и освещение сбоку дают возможность судить о настоящем цвете*» [Григорович 1873: 133]; «*Не будь здесь гор, тучной зелени вяза, ярких переливов света и тени, – не захотелось бы выглянуть из*

⁷⁰ Словарь русского языка XVIII в. – Л.; СПб.: Наука, 1992. – Т. 7. – С. 127.

окна» [Григорович 1873: 167]; «Невозможно передать словами тех **эффектов света и тени**, какими одеваются горы» [Григорович 1873: 390] и др.

Находясь в Лувре, Григорович обращает внимание на освещение и делится своими впечатлениями с читателем: «**Картины освещены очень плохо** <...> например, **Свадьба в Кане требует втрое больше света**» [Григорович 1873: 189].

С особой тщательностью Григорович подбирает цвета при описании природной действительности. Так, горы переливаются у писателя, как «**перламутр или грудь голубя**» [Григорович 1873: 337]; почва краснеет, «**как толченый кирпич**» [Григорович 1873: 343]; океанская зыбь по цвету напоминает писателю «**плавленное синее стекло**»; «**гора с отливом чернильного цвета**» [Григорович 1873: 335]; «**вода принимала цвет аквамарина**» [Григорович 1873: 46]; «**глаза цвета фиалок, вареных в молоке**» [Григорович 1873: 99]; «**шафрановый цвет глаз**» [Григорович 1873: 230]; «**раскисло-желтый**» цвет моря [Григорович 1873: 135] и др.

Наименее интересным цветом для Григоровича предстает серый. Данный цвет всегда упоминается в синонимическом ряду с такими лексемами, как *тусклый, однообразный, грустный, плачевный, непривлекательный, мутный, тяжелый, мрачный, унылый*: «**берег окрашивался серой однообразной краской**» [Григорович 1873: 229]; «**всё вокруг нас и под ногами окуталось однообразным тусклым серым цветом**»; «**сквозь серый, тусклый свет...**» [Григорович 1873: 335]; «**небо смотрело серо и кисло**» [Григорович 1873: 133] и др.

Отметим также, что писатель умело вплетает в свое описание профессионализмы художников: «**профиль снежных вершин**» [Григорович 1873: 272]; «**все это – барки, скаты берегов <...> словом, весь передний план картины...**» [Григорович 1873: 274]; «**планы этой зеленой перспективы смягчаются отдалением**» [Григорович 1873: 344]; «**белизна домов сменяется мягким розово-золотистым колером**» [Григорович 1873: 246] и др.

Любопытным представляется частотное использование Григоровичем глагола *тушевать(ся)* из лексики художников, который встречается в тексте (только с приставками *за-* и *рас-*) 14 раз: «с приближением к Севилье Сиера-Морена снова уходит в глубину и постепенно **затушевывается** отдалением» [Григорович 1873: 255]; гора «**затушевывалась** туманом» [Григорович 1873: 335]; «горы **затушевываются** сияющей далью» [Григорович 1873: 378]; вид «**растушев**ался тенью» [Григорович 1873: 365]; «товар, **растушеванный** густой тенью» [Григорович 1873: 366] и др.

Третьей важной особенностью исследуемого автора является его техническое мышление. Писатель учился в инженерном училище, что также повлияло на его языковую манеру повествования.

Так, в тексте можно наблюдать большое количество архитектурной лексики: *аркада, балюстрада, барельеф, амфитеатр, арка, колонна, пилястра, консоль, фасад, перистиль, фриз, фасад, контрфорс, маркиза (окон), балясина, фронтон* и др.

Во время своего путешествия Григорович постоянно подмечает архитектурные стили и делится своими наблюдениями с читателем: «*стиль церкви Богоматери в Копенгагене – римско-греческий*» [Григорович 1873: 115]; Кадисский Собор «*в стиле возрождения*» [Григорович 1873: 255]; «*пять длинных стрельчатых сводов чистейшего стиля первой эпохи готики*» (о Жиральде) [Григорович 1873: 287] и др.

При описании памятников архитектуры писатель практически всегда обращает внимание на используемый материал. Так, он отмечает, что церковь Santa Maria Carignano возделана из *каррарского мрамора* [Григорович 1873: 167]; глаза на статуе Спасителя в церкви La Caridad сделаны из *цветного эмали* [Григорович 1873: 294] и др.

Интересным кажется то, что Григорович создает особую образность через элементы, которые встречаются в архитектуре: «*волны закручиваются голубыми волютами*» [Григорович 1873: 346]; «*две пальмы возвышаются, как колонны разрушенного храма*» [Григорович 1873: 378]; вид на залив

«подымается *амфитеатром* у подножия гор» [Григорович 1873: 374]; «темные тополи возвышались, как *минареты*» [Григорович 1873: 167] и др.

Шею боцмана Воронова писатель сравнивает с «*могучей шеей Геркулеса Фарнезского*» [Григорович 1873: 71], а «рука кандиток круглится как у *античной статуи*» [Григорович 1873: 247].

Из архитектурной лексики частотным словом (8 словоупотреблений) у Григоровича выступает существительное *фестон*, использующееся в переносном значении при описании растительности: *фестоны томатов; фестоны винограда; фестоны плюща, зелени* и др.

Также уточним, что наличие инженерного образования позволяет Григоровичу рассуждать об оснащении корабля, отмечать использованные технические новшества, а также высказывать свое мнение относительно данных вопросов. Например, писатель видит проблему в отношениях *инженер – капитан*, подчеркивая, что инженеры по своей сути теоретики, знакомые с кораблем только по чертежу, поэтому им сложно понять капитанов, которые ввиду своего морского опыта просят дополнительные детали, изначально не входящие в инженерный план. Именно поэтому, как справедливо отмечает писатель, каждый раз выгрузка корабля затягивается на неопределенный срок.

Подытожим рассуждения и в завершение отметим, что Григоровичу свойственны три яркие особенности восприятия: ориентация на визуальную составляющую, опора на художественное мышление и опора на инженерное мышление, что отражается в его языке яркой поэтической образностью.

3.2.4 Авторский языковой контент (особенности лексической наполняемости)

При исследовании текста можно наблюдать, как Д.В. Григорович активно использует морскую профессиональную лексику для придания определенного колорита описанию экспедиции. Так, писатель вводит в текст следующие морские термины: *лавировка, крен, галс, эскадра, такелаж, форт*,

флотилия, качка, баркас, рея, ют, брам-стеньга, вант, кабельтов, брам-рея, кубрик и др.

Можно наблюдать, как с некоторыми морскими терминами Григорович сталкивается впервые: «*А кубрик...что же такое: кубрик? <...> третья палуба, там офицерские каюты*» [Григорович 1873: 15].

Если говорить о профессионализмах мореплавателей, то Григорович всегда старается объяснить читателю их значения: «*Надо однакож, чтоб вы знали, что такое констапельская, – место, где живут юнкера и гардемарины*»; «*содержателем называют офицера, который выбирается голосами и обязанность которого состоит в том, чтобы покупать провизию, беречь ее, наблюдать за порядком кухни*» [Григорович 1873: 47]; *вестовой – так называют прислугу при офицере*» [Григорович 1873: 60] и др.

Григорович с интересом исследователя подмечает специфические особенности языка матросов. Так, писателя удивляет тот факт, что на каждый даже не относящийся к службе вопрос матросы отвечают коротким восклицанием «*Есть!*». Иными словами, можно наблюдать расширение употребления данного слова, которое ранее использовалось на флоте только в качестве выражения субординации между начальником и военнослужащими⁷¹.

Любопытным кажется Григоровичу особенность, связанная с названиями дней недели на корабле в соответствии с блюдами, которые подавались матросам. Писатель указывает, что *щами с солониной* в морской среде называют *понедельник*, а *горохом* – *среду* [Григорович 1873: 151].

Также писатель знакомит читателя с песнями, которые исполняют матросы. Так, они часто обращаются к народной песне бурлаков под названием «*Дубинушка*»⁷².

Наблюдая продолжительное время за речью матросов, писатель делится с читателем следующими значениями специальных слов: *склянка* –

⁷¹ Книга Устав морской: О всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море. – СПб.: Гос. тип., 1720. – Т. 2. – С. 7.

⁷² Соболевский, А.И. Великорусские народные песни. – СПб.: Гос. тип., 1900. – Т. 6. – С. 470.

корабельные песочные часы с получасовым ходом; *рында* – колокол [Григорович 1873: 83]; *купец* – купеческое судно [Григорович 1873: 82]; *бак* – матросский клуб и др.

Отметим, что Григорович не ограничивается подобной лексикой и дает собственные названия объектам на корабле. Так, булыжники и песок, которыми моют палубы, писатель обозначает в своем тексте «каменным горохом», подчеркивая производимый ими шум [Григорович 1873: 39].

Уточним также, что в своих очерках писатель начинает оперировать морскими единицами длины и скорости: «*Не прошли мы десятка два узлов...*» [Григорович 1873: 335]; «*утром мы были уже в сорока милях от Бреста*» [Григорович 1873: 117]; «*вместо полутора узлов мы прошли пять*» [Григорович 1873: 143] и др.

В определенный момент Григорович ловит себя на мысли, что он начинает пользоваться морской лексикой в повседневной жизни: «*головы вывесились из коляски и их не переставало **травить** жесточайшим образом (вы видите, я начинаю привыкать к морским терминам)*» [Григорович 1873: 127]. Здесь мы можем наблюдать подвижность языковой картины мира, которую наполняет и обогащает заданная среда.

Длительное пребывание писателя в море накладывает отпечаток и на его художественную образность, которая начинает реализовываться через метафорические образы, связанные с морем: «*в железных **стременах**, имевших **вид** заостренных лодок*» [Григорович 1873: 272]; «*оливковые и лимонные **плантации сбегают волнами по отлогим холмам***» [Григорович 1873: 338]; «***чин** в обществе – тоже, что спасительный **буёк** на море*» [Григорович 1873: 67]; «***французы** в своем движении **уподоблены морю***» [Григорович 1873: 195]; «*в **восковой свечке** две тысячи пятьдесят фунтов весу: это целая **мачта!***» [Григорович 1873: 290] и др. Дам из Русского общества в Ницце писатель сравнивает с одинокими скалами «*вокруг равнодушно **плещущего моря кринолин и юбок***» [Григорович 1873: 383].

Следующее, что обращает на себя внимание при исследовании текста, – это его насыщенность пословицами, поговорками и распространенными выражениями как русского, так и иноязычного происхождения, что свидетельствует о невыразимом богатстве речи писателя: *язык доведет до Киева; яйцо Колумба; ни маковой росинки; мафусаиловы лета; гордиев узел; оставаться мертвой буквой; книги в руки; тень Банко; скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; не отступать на волос от правды; лезть из кожи; пускать пыль в глаза; что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; Mare senza pesci, monti senza legno, uomini senza fede, donne senza vergogna* [море без рыбы, горы без леса, мужчины без совести, женщины без стыда] (знаменитая пословица Генуи), *Quien no ha visto a Sevilla, no ha visto a maravilla* [Кто не видел Севильи, не видел чуда.] (испанская поговорка) и др.

Использование Григоровичем крылатых выражений из других языков может свидетельствовать о наличии особого видения писателем слова как отражения национального духа, которое было характерным для XIX века⁷³. Во время своего путешествия писатель знакомится с национальной лингвокультурой других стран и в дальнейшем использует в своей речи усвоенные знаменитые изречения на языке оригинала, таким образом отдавая дань национальному менталитету народа.

Отметим, что интересной особенностью языкового сознания Григоровича является то, что он не делает акцента на различении значений слов «пословица» и «поговорка»: *«Инспекторский департамент найти было не очень трудно: язык доведет до Киева, говорит **пословица**»* [Григорович 1873: 5]. *«Кто хоть раз был в Кронштадте и проникал в купеческую гавань, тот легко согласится, что **поговорку**: «язык доведет до Киева», – можно с успехом заменить поговоркой: – «язык доведет до кронштадтской купеческой гавани»* [Григорович 1873: 5]. Если обратиться к «Русской

⁷³ Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений. – М.: Унив. тип., 1875. – Т. 2. – С. 321.

хрестоматии»⁷⁴, которая использовалась в училищах прибалтийских губерний, можно заметить, что разница в понимании этих выражений на тот период уже существовала и активно внедрялась в школьную практику. Таким образом, можно предположить, что неразличение пословиц и поговорок в русском сознании является типичным явлением не только для современной действительности, но и для того времени, затрагивая в том числе и образованное дворянское сословие, к которому относился писатель.

Григорович не ограничивается общеизвестными крылатыми изречениями и придумывает свои собственные. Подчеркивая важность сознания и просвещения, он предлагает заменить фразу *«за битого двух не битых дают»* на изречение *«за человека с сознанием нельзя взять и сорока пешек»* [Григорович 1873: 78].

Особенностью языкового сознания Григоровича является и активное использование соматической фразеологии (встречается в тексте более 15 раз): *«... "Ретвизан", обдаваемый ливнем с головы до ног...»*; *«дождь как рукой сняло»*; *«корабельное дело знакомо как ладонь»*; *«бродить куда глаза глядят»*; *«передал меня на руки полковнику»*; *локтем к локтю*; *из рук в руки* и др. Чужая речь в очерках также насыщается соматической фразеологией, однако нельзя однозначно сказать, была ли она подвержена авторской переработке или же зафиксирована в своем исходном виде. Так, в речи литератора П* можно встретить следующие соматические фразеологизмы: *«дело знакомо как собственная ладонь»*, *«рукой только подать до Парижа»*. В речи француза Сотюмье, которую Григорович представляет читателю переведенной на русский язык, соматическая фразеология заметна в следующей фразе: *«Мне знакома Ницца как мои пять пальцев»*.

Григорович может использовать в своем тексте и соматические сравнения. Так, виноградную лозу он сравнивает по толщине *с рукой «дюжего*

⁷⁴ Шафранов, С.Н. Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний. – Ревель: Ф. Клуге, 1865. – С. 362–363.

работника» [Григорович 1873: 345]. Также писатель показывает свою ориентацию в пространстве через соматическое описание: «*К полудню с правой руки открылись земли*» [Григорович 1873: 151]; «сосед сидел *с левой руки* от меня» [Григорович 1873: 124]; «*справа, в упор локтю, разстилается гранитная набережная*» [Григорович 1873: 241] и др. Примечательно, что слово *сторона* в значении направления практически не используется автором.

Умелое владение языковыми средствами и знание культурного кода позволяют Григоровичу проводить любопытные сравнения в отношении других людей и давать им нарицательные имена. Так, знакомых в Италии, которые радушно принимают писателя к себе в дом, он называет *амфитрионами* (данное имя стало нарицательным после написанной Ж.Б. Мольером одноименной комедии); доморощенными *Ватели* писатель называет матросов, которые отвечали за еду; жен моряков, которым писатель писал письма, он ласково называет *Ариаднами* [Григорович 1873: 65].

Следующее, на что стоит обратить внимание, – использование в исследуемом тексте заимствований – преимущественно из французского языка: *портшез, рутинер, депеша, эстамп, абонировать, фельетон, дилижанс, дулет, жобар, фиакр* и др.

Активное использование французских заимствований связано как с языковой ситуацией в XIX в., так и с индивидуальной языковой картиной мира писателя.

Отметим, что авторской особенностью является использование не только французских заимствований, но и иноязычных вкраплений из общеупотребительной лексики французского языка: дамы «*с пестрыми шерстяными cabats в руке*»; «*физиономии, увенчанные shapreau claque*»; «*укутывал шею в cache-nez*»; «*в городе [в Бресте] богатая публичная библиотека, множество cabinets de lecture*»; «*Ницца с ее promenade des anglais*» и др. Так, наблюдаются следующие вкрапления из французского языка: *chapeaux, bijouterie, Faute de mieux, stalle, licence, orchestre, biblot, bibliothèque, chef-d'œuvre* и др.

Примечательно, что в IV главе, в которой Григорович описывает Францию, реплики французов даются им без перевода: «*Cocher! Avons nous passé s-t Jouan?*»; «*C'est un pauvre diable après tout*»; «*Hue! Allons, hue donc!*». Скорее всего, это связано с ориентацией автора на образованного читателя, прежде всего дворянского происхождения, который в то время свободно владел стандартным набором фраз из французского языка.

По всей видимости, привычка к использованию французских слов у писателя объясняется его происхождением: мать Д.В. Григоровича была француженкой и после ранней смерти мужа воспитывала сына в привычной для нее языковой среде. В своих воспоминаниях писатель признается, что ему «с трудом досталась русская грамота»⁷⁵. Также уточним, что в детстве будущий писатель был отдан во французский пансион Монигетти, где отучился три года.

Возможно, из-за особенностей языкового сознания билингва Григорович в своем тексте употребляет французские слова через разное алфавитное написание, к примеру: «...проходит знаменитая дорога *corniche*» [Григорович 1873: 338] и «В *St-Jean* вели две дороги: одна морем, другая по *корниш*» [Григорович 1873: 388]; «с наступлением вечера идешь в *salons*» и «таких *салонов* очень много» [Григорович 1873: 99] и др.

Отметим также, что Григорович в своем тексте активно использует конфиксальные прилагательные с приставкой *без-* и дериваты, образованные от данных прилагательных: взял за руку *безцеремонно*; «*безпрестанно путаются фиговые деревья*» [Григорович 1873: 345]; «*безпрерывно шлифует волна*» [Григорович 1873: 349] и др.

Активное употребление прилагательных с начальным *без-* и образованных от них дериватов учеными принято рассматривать как одну из

⁷⁵ Григорович, Д.В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 19.

особенностей словообразовательной системы русского литературного языка XIX века⁷⁶.

Наиболее распространенным конфиксальным прилагательным с приставкой *без-* в тексте выступает прилагательное «*безчисленный*», употребленное свыше 13 раз: «*Безчисленные ниши и выступы этих пределов*» [Григорович 1873: 375]; «*безчиленное множество металлических изделий*» [Григорович 1873: 366]; «*безчисленная масса дворцов*» [Григорович 1873: 364] и др.

Далее, на что стоит обратить внимание в данном подразделе, – это активное использование Григоровичем экзотизмов.

Писатель считает, что «*быт и нравы дают больше пищи для наблюдения, чем церкви и здания*» [Григорович 1873: 195], поэтому в его речи так часто можно встретить характерные иноязычные заимствования.

Экзотизмами принято называть те заимствования, которые несут в себе отличительные национально-этнические особенности образа жизни других народов.

Используемые Григоровичем экзотизмы, которые встречаются и не в транслитерированном виде, разделим для удобства на следующие тематические разряды:

Таблица 1. Экзотизмы в очерках Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"»

Денежная единица	<i>реал, франк, фунт, шиллинг, ассигнации</i>
Танцы, песни	<i>Болеро, jota, aragonesa, сегидилья, фанданго, ола, сайнет</i> (национальная испанская песня)

⁷⁶ Калиновская, В.Н, Старовойтова, О.А. Лексическое наполнение активной словообразовательной модели (на примере новообразований пушкинской эпохи) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – №2. – Т. 42. – С. 105.

Музыкальные инструменты	<i>кастаньет</i>
Элементы одежды	<i>феска, фустанелла, капор, pezotto</i> (вуаль, прикрепляется к гребню)
Блюда, напитки	<i>пахарете, амонтильядо, шримсы, фи́ги, risotto, zuckerillos</i> (куски сахарной пены, которые «распускают в воде»)
Наименования людей	<i>леди, джентльмен, дон, донна, сеньора, сеньор, бандерильос, пикадор, тореадор, матадор, гризетка, блузник, прелат, идальго</i>
Растения	<i>алоэ, фиговое дерево, олеандр, жасмин, лавр, мирта</i>
Промежуток времени	<i>сиеста</i>

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что Григорович активно использует экзотизмы при обозначении статуса людей, реже – при описании их национальных костюмов.

Последнее, на что стоит обратить внимание в данном подразделе, – это использование писателем иноязычных элементов из других языков (не считая французский) с последующим пояснением их значений для читателя.

Григорович с быстротой и интересом перенимает у народов других стран их языковой материал. О данном явлении писатель говорит так: *«русские скоро усваивают язык и привычки стран, где бывают»* [Григорович 1873: 205]. Каждый раз находясь в новой языковой среде, Григорович обращает внимание на язык и делится с читателем обиходными фразами, раскрывая их значения. Так, читатель может узнать, что слово *adieu!* в Генуе употребляют при приветствии со знакомыми людьми; *morenas* в Испании называют смуглых женщин [Григорович 1873: 247]; *«стиль итальянского renaissance с французским рококо называют в Испании plateresco»* [Григорович 1873: 292];

«*Tomar el sol* – наслаждаться солнцем, как выражаются испанцы» [Григорович 1873: 284]; *Rateros* – это хлебопашцы, которые «непрочь воспользоваться удобным случаем напасть на путешественника и пустить его нагишом продолжать путешествие» [Григорович 1873: 228] и др.

Явление *manoairada* дословно переводится как *раздражающая рука*: «так говорят, желая выразить минутную вспышку, досаду, которая в Испании обыкновенно оканчивается ударом ножом» [Григорович 1873: 257]. Нож, который используется при совершении данного действия, называется *navaja*, он имеет форму рыбы, а его конец заострен с обеих сторон [Григорович 1873: 257].

Подчеркивая здоровый образ жизни испанцев, Григорович обращает внимание на слово *refrescos*, которым заменяют в Испании слово *кабак*. В данных заведениях отсутствуют алкогольные напитки и «*подают порцию снегу с лимонным соком или стакан холодной воды*» [Григорович 1873: 299].

Таким образом, отметим, что Григорович наполняет свои очерки богатым языковым материалом. Так, в исследуемом тексте представлена морская лексика, французские заимствования и вкрапления, экзотизмы, большой ряд пословиц, поговорок и крылатых выражений, а также заимствования из других языков, с которыми Григорович активно знакомит читателя. В данном подразделе любопытным кажутся и конфиксальные прилагательные на *без-* и образованные от них дериваты, которые являются особенностью словообразовательной системы русского литературного языка XIX века.

3.2.5 Автор и корабельная среда (особенности быта матросов)

Исследуя языковую картину мира Д.В. Григоровича, стоит обратить внимание на то, как писатель видит жизнь матросов на военном корабле и как ощущает себя в этой среде. Рассматриваемый текст не лишен информативной составляющей на этот счет, об этом, например, пишет исследователь

В.П. Вильчинский⁷⁷, отмечая, как Григорович живописует ежедневную жизнь на корабле, уделяя особое внимание матросскому быту.

Жизнь на корабле кажется Григоровичу занимательной, быт и нравы матросов привлекают его разнообразием, *«не дают заснуть наблюдательности»* и *«доставляют постоянное развлечение»* [Григорович 1873: 336]. Писатель часто восхищается удачью, смелостью, подвижностью матросов и дисциплиной в их среде, признаваясь читателю, что видит в них *«сущест, соединяющих в себе силу буйвола, ловкость обезьяны, живучесть кошки и терпение русского простолюдина»* [Григорович 1873: 150]. В данной характеристике можно наблюдать обращение Григоровича к устойчивым сочетаниям с зооморфизмами. Уточним, что подобные сочетания в тексте используются писателем только в отношении матросов и служат, вероятно, своеобразным мостом к пониманию их сущности.

Однако стоит отметить, что Григорович не считает матросскую жизнь эталоном свободы и прекрасной жизни. Например, сравнивая общество кают-компаний, которое объединяло офицеров, и общество губернского съезда, которое объединяло дворян, Д.В. Григорович приходит к выводу, что *«взгляд дворянских съездов в прогрессивном отношении далеко ушел против взглядов кают-компаний»* [Григорович 1873: 337]. Писатель поднимает проблему дискриминации во флотской среде и пишет о том, что в обществе кают-компаний недостаточно носить звание офицера, чтобы человека принимали как равного, важным является наличие у офицера дворянского рода. Григорович делится с читателем личным наблюдением, приводя в пример благородного офицера на корабле, который трудится целый день, и офицера, который ничем полезным не занимается, однако считается в глазах других и своих собственных лучше первого: *«...и как бы вы думали, почему так? Потому что родитель его был помещик, или такой же офицер, известный*

⁷⁷ Вильчинский, В.П. Русские писатели-маринисты. – М.: Наука, 1966. – С. 97.

тем только, что, в свое время, больно сек мужиков или матросов! Есть чем гордиться, нечего сказать!..» [Григорович 1873: 338].

Отметим, что высокая эмоциональность свойственна Григоровичу при описании как природной действительности, так и социальных взаимоотношений. В приведенном фрагменте мы можем наблюдать эмоционально-окрашенную речь, включающую восклицания, а также разговорную конструкцию *«нечего сказать»*. Авторская эмоция, которую Д.В. Григорович хочет донести до читателя, – эмоция негодования, возникающая в результате ощущения социальной несправедливости.

Тем не менее во многих жизненных обстоятельствах Григорович принимает сторону дворянства. Например, в 1860 г., когда в редакции журнала *«Современник»* произошел раскол между разночинцами и писателями-дворянами, Григорович поддержал последних и навсегда покинул журнал.

Во время морского путешествия Григорович знакомит читателя со знаменитым изречением матросов: *«в морском деле ничего нет определенного, верного»* [Григорович 1873: 25]. Писатель отмечает, как убедился в правдивости данных слов на собственном опыте. Так, например, когда *«Ретвизан»* должен был отплыть пятнадцатого мая, из-за внеплановых обстоятельств он выходит в море только пятого августа [Григорович 1873: 26].

Григорович признается, как тяжело ему было жить на корабле с ощущением постоянной неопределенности, так как в своей жизни он привык планировать свою деятельность заранее из-за внутреннего страха не успеть к определенному времени: *«на этом основании я всю жизнь являюсь на вечера прежде чем там зажгут свечи и лампы»* [Григорович 1873: 7]. Совершенно иной расклад морской жизни заставляет чувствовать Григоровича уязвимым перед силами стихии.

Особенное чувство страха Григорович испытывает, наблюдая процесс похорон на корабле. Когда тело бросают в воду, писатель начинает размышлять о том, что хоронить людей привычнее и правильнее только в

земле: *«Не все ли равно? Но когда случается быть очевидцем таких похорон, – сердце и привычка всегда говорят громче философии»* [Григорович 1873: 139]. Писатель убежден: *«когда человека хоронят в земле, разлука с ним кажется не так ощутительней»* [Григорович 1873: 140].

Рассматривая творческий путь Григоровича, можно проследить его непосредственное отношение к такому направлению, как критический реализм. Скорее всего, именно поэтому в исследуемом тексте писатель придает важное значение соотношению *человек–среда* и часто задумывается над тем, как окружение влияет на человеческое сознание и представление.

Так, писатель отмечает, что на корабле отсутствовало грубое обращение со стороны офицеров в отношении матросов, там не было *«узкой, оскорбляющей человеческое достоинство дисциплины»* [Григорович 1873: 34]. На корабле матросы выступали в качестве помощников, а не подчиненных. Такое отношение Григорович связывает со средой, в которой они находились, отмечая, что кораблю свойственно *«уравнивать состояния»*, *«коли плохо, так всем равно плохо; хорошо – всем равно хорошо без чинов и званий»* [Григорович 1873: 35].

Критический взгляд, а также подробное и правдивое описание будничной действительности и окружающих людей особенно свойственно Григоровичу во II главе, в названии которой фигурирует сочетание *«боцман Воронов (физиологический очерк)»*. Физиологический очерк является тем жанром, который позволяет детально описать быт, нравы и устои конкретного социального класса. Анализируя личность боцмана, писатель выделяет две характерные черты исследуемого типа – рутинерство к любым нововведениям на корабле, а также отсутствие базовых знаний в области географии. Григорович проникается сочувствием к боцману и задумывается о просвещении матросов на корабле: *«Что стоило бы морскому министерству велеть напечатать несколько сотен экземпляров генеральных карт всех частей света и роздать их на суда?»* [Григорович 1873: 79].

Подводя итог, отметим, что Григорович проявляет большой интерес к изучению быта матросов, однако не идеализирует корабельную жизнь и не считает себя ее частью. Описывая нравы матросов, писатель ориентируется на среду, в которой они находятся, наполняя очерки интересными, а главное живыми описаниями.

3.2.6 Автор и корабль

Первое впечатление о корабле «Ретвизан» вызывает у Григоровича сильную эмоцию удивления: *«Боже, что это за громада!!»* [Григорович 1873: 13]. По сравнению с ним матросы кажутся *«синими науками»*, а сам писатель начинает ощущать себя в пространстве так, будто он *«сплюснулся, уменьшился на десятую долю от роста»* [Григорович 1873: 14].

На протяжении всех очерков можно наблюдать активную персонификацию корабля писателем. Как известно, персонификации подвергаются предметы и явления, которые являются для человека особо значимыми в его жизни и/или вызывают сильные эмоции. Сам Григорович признается читателю: *«"Ретвизан" глубоко врезался в мое сердце»* [Григорович 1873: 18].

Персонификация «Ретвизана» наблюдается в следующих фрагментах: *«Вдоль щек его [«Ретвизана»] шипела убежавшая назад пена»* [Григорович 1873: 228]; *«паруса стояли бодро, как румяные красавцы»* [Григорович 1873: 151]; *«"Ретвизан" выглядел празднично – точно именинник важного чина, который, слегка наклонив голову, приветливо, ласково прислушивается к поздравлениям мелкого чиновного люда»* [Григорович 1873: 26]; *«Ретвизан» был «младенцем, который рисовался теперь таким богатырем»* [Григорович 1873: 27]; *«"Ретвизан" скрипел своими суставами»* [Григорович 1873: 144] и др.

При неисправности винта Григорович отмечает: *«"Ретвизан" без винта уже никаким образом не мог быть «Ретвизаном», т. е. – винтовым»*

кораблем; **винт и пар** играли в нем ту же роль, что **сознание и просвещение** у человека» [Григорович 1873: 17].

При столкновении с купеческим судном писатель пишет, что матросам предстояло «починить **рану, нанесенную враждебным якорем**» [Григорович 1873: 25].

Во время своего путешествия Григорович замечает, что и для капитана корабля «Ретвизан» представляется живым существом. Волнуясь за целостность и сохранность своего корабля, капитан восклицает: «**"Ретвизан" для вас – чужой человек!**» [Григорович 1873: 42]. В своих очерках писатель наблюдает глубокую связь между «Ретвизаном» и его капитаном, в какой-то момент ему даже кажется, что «**при малейшем содрогании снасти содрогается и сердце Ш***» [Григорович 1873: 40].

Возможно, активная персонификация корабля может быть следствием подсознательного страха. Григоровичу свойственно персонифицировать то, что вызывает у него сильные эмоции волнения и трепета: «**голод завыл отчаянным голосом, что опасно было его не послушать**» [Григорович 1873: 350]; «**зима, окутанная в безобразную овчину, топает по льду ногами, прячет нос, обвешанный ледяными сосульками, в воротник...**» [Григорович 1873: 385]. Персонифицируя скверную погоду, писатель отмечает, что «**уважение к ней основывалось на страхе и полной от нее зависимости**» [Григорович 1873: 136].

При описании корабля Григорович поднимает проблему, связанную с голодом. Голод у писателя выступает в связке с такими лексемами, как **страшный, зверский, адский**. Писатель признается: чтобы не умереть от нехватки еды, ему приходилось жевать сухари и жесткую солонину, так как в течение длительного времени повар закупался гнилой провизией. Возможно, поэтому писатель часто прибегает к пищевым метафорам при описании действительности: «**медуза имеет вид лепешки из студня**» [Григорович 1873: 135]; «**резная кайма, изрытая, как медовый сот**» [Григорович 1873: 297]; «**прогуливался как словно после сытной порции ростбифа**» (о походе

капитана) [Григорович 1873: 151]; *Смуглая как корица кожа* [Григорович 1873: 303] и др.

Гулянье в нашей стране писатель сравнивает *с малиновым пирогом, «который привлекательно лоснится когда его подают и падает блином, как только им начнут пользоваться»* [Григорович 1873: 123].

В завершение отметим, что Григорович проявляет большой интерес к кораблю, активно его персонифицируя, а также делится с читателем самой главной проблемой, которая может быть на морском судне, – проблемой, связанной с голодом.

3.2.7 Автор и пространство (особенности в восприятии культур других стран)

При исследовании языковой картины мира Григоровича стоит обратить внимание на то, как писатель во время путешествия описывает каждое посещенное им место. При описании он не придерживается какого-либо плана, однако практически всегда старается отмечать культурное достояние страны или ее отсутствие, а также национальный характер народа.

Цель своих очерков он видит в следующем: *«рисовать корабельную жизнь, схватывать общие черты стран, наблюдать обычаи чужеземных берегов»* [Григорович 1873: 119].

Исследуя текст, можно заметить, как Григорович разделяет для себя посещенные им страны, опираясь на единственный признак: наличие/отсутствие исторического или художественного интереса.

Так, присутствие обозначенного интереса Григорович видит в Дании, Франции и Испании. Испания для Григоровича – *«страшное изобилие чудес искусств»* [Григорович 1873: 288], Севилья поражает писателя *«большим богатством художеств»*. В Дании он отмечает высокий процент просвещенных людей (на девять грамотных приходится один безграмотный

человек), а столицу Копенгаген из-за богатого культурного интереса ставит в один ряд с первоклассными столицами мира [Григорович 1873: 109].

Напротив, Германия не вызывает у Григоровича теплых чувств. Город Гамбург кажется писателю скучным *«из-за отсутствия замечательных архитектурных зданий и церквей, интересных в художественном отношении»* [Григорович 1873: 96].

Последний описанный Григоровичем город – Ницца – также не вызывает сильного впечатления у писателя из-за *«отсутствия исторического и художественного интереса»* [Григорович 1873: 388]. Несмотря на *«райский климат»*, последнее предложение, на котором обрываются очерки писателя, звучит следующим образом: *«Трудно было бы прожить в Ницце более недели и не умереть от скуки»* [Григорович 1873: 391].

Италия находится у Григоровича посередине. Так, описывая Геную, писатель отмечает, что город не имеет оригинального архитектурного наследия и обязан своими зданиями римскому архитектору Галеаццо Алесси.

Любопытным кажется и тот факт, что Григорович старается выстроить свой собственный ассоциативный ряд, в котором прослеживается желание наиболее точно раскрыть описываемое место и ярче выразить свое отношение к нему: *«Ницца предстает моему воображению с приправой г. Сотюмье»*; *«Россия – страна тупых ножей»* [Григорович 1873: 90]; Гамбург – *«расплывшийся от богатства и жира лавочник, у которого отец немец, а мать жидовка»* [Григорович 1873: 90]. Современное состояние парижских нравов писатель связывает с *родом насморка*, который должен скоро пройти [Григорович 1873: 220].

Отметим, что о встреченном народе писатель также отзывается по-разному. Так, описывая испанцев, Григорович характеризует их с положительной стороны: *«несмотря на свою восточную лень, народ в высшей степени подвижный, нервный, нетерпеливый»* [Григорович 1873: 250]; *«натуры огненные, страшно впечатлительные, склонные к приключениям»* [Григорович 1873: 265]. Подчеркивая их романтичность, писатель вспоминает

менталитет родного отечества, с досадой отмечая: *«У нас романтик чуть ли не синоним школярства, сумасбродства, тупоумия <...> Только в Испании романтизм сохранился в самой жизни, а не только в театрах и романах»* [Григорович 1873: 282].

Отмечая живость и веселость французов, Григорович обращает внимание на отсутствие у них «золотой середины»: *«нет середины в их ментальности – если француз глуп, то такого глупца не сыщешь уж в целом свете»* [Григорович 1873: 178].

Англичан Григорович недолюбливает, считая их апатичными и отвечающими на любезность холодными улыбками.

Если говорить о встреченных русских туристах, то писатель подмечает в них одну особенность – *«стремление к выражению своего официального значения»* [Григорович 1873: 382]. Об этом явлении писатель пишет так: *«Встречая иностранцев, нельзя точно сказать, об их звании. С русскими же происходит совершенно другое: их явно беспокоит это»* [Григорович 1873: 381].

Итак, в завершение отметим, что Григорович проявляет большой интерес к историческому и художественному опыту, а также старается выделить для себя отличительные черты в характере как своих соотечественников, так и народов других стран.

3.2.8 Личность автора (особенность самовосприятия)

Исследуя языковую картину мира Григоровича, стоит обратить внимание и на то, какой личностью писатель предстает перед читателем в своих очерках.

Так, благодаря тексту можно предположить, что Григорович является романтичным человеком. Например, писатель проявляет перед читателем свою романтическую натуру, когда признается, что видит в капитане героя Диккенса из романа «Домби и сын» – Кутля.

Отметим, что благодаря диалогической речи и моноповествованию исследуемому тексту присущ расширенный диктум, который позволяет обогатить наше представление о повествующем субъекте. Так, в своих воспоминаниях Григорович фиксирует диалоги с окружающими его людьми, через которые мы также можем проследить их отношение к писателю. Например, один упомянутый в произведении литератор П* (речь идёт об Ив.Ив. Панаеве) говорит, что видит в Григоровиче мечтательную личность, любящую путешествия: *«Вы [Григорович], с тех пор как я вас знаю, – а это очень давно – вы не перестаете мечтать и говорить о путешествиях за границу...»* [Григорович 1873: 5].

Сам Григорович в своих заметках не раз подчеркивает свой энтузиазм при исследовании достопримечательностей: *«проходя мимо собора я не могу утерпеть, чтобы не взбежать на ступеньки одного из входов; еще – минута и я приподнял бы кожаный фартук, которым заслоняются здесь двери храмов, но Б.Т. удержал меня»* [Григорович 1873: 275].

О себе писатель также отзывается как о человеке, который *«увлечен страстью к неожиданностям всякого рода»* [Григорович 1873: 353].

До начала экспедиции писатель никогда не выходил в море, не плавал по Финскому заливу дальше Петергофа, а морскую стихию видел только на картинах. Именно поэтому он был особенно преисполнен воодушевления, представляя морское путешествие как прогулку или пикник [Григорович 1873: 5]. Однако романтический настрой писателя перестает быть заметным уже в III главе: *«Нигде человек так не чувствует свое ничтожество, как в море»* *«Все, что происходило вокруг меня, мне крайне не нравилось <...> все это хорошо только в описаниях, на картинах»* [Григорович 1873: 139]. Григорович безрадостно отмечает, что ему приходится постоянно терпеть качку и *«проводить на корабле нескончаемую вереницу убийственно-скучных дней»* [Григорович 1873: 143]. Писатель пишет следующее: *«Я откровенно сознаюсь, что много брал на себя и по обыкновению сильно увлекался, утверждая, что чувствую неодолимое влечение к морю»* [Григорович 1873: 145];

«мечтательный, поэтический экстаз, по поводу водяной стихии, остыл во мне совершенно» [Григорович 1873: 223].

Вероятнее всего, ключевой причиной, из-за которой Григорович не доводит до конца написание своих заметок, является его окончательное разочарование в морском путешествии. Однако сам писатель пишет об этом уклончиво: *«Я начал было писать дальше о нашем пребывании в Афинах, Иерусалиме, Палермо и т. д., но остановился по разным обстоятельствам...»*⁷⁸

Следующей важной особенностью личности Григоровича является то, что он обо всем складывает свое собственное мнение. Так, наблюдая за генуэзцами, Григорович отмечает в них простоту и добропорядочность и не соглашается с позицией Данте, который отзывался о генуэзцах как о людях хитрых и лишенных приличий.

Известно, что Григорович придавал большое значение просвещению и интеллектуальному развитию. Однако, как можно было вывести из текста, человеческое отношение писатель ценит выше образования и статуса. Так, упоминая народ Ниццы (пьемонтцев), писатель отмечает, что, несмотря на отсутствие у них образования, общение с ними показалось ему приятным благодаря их тактичности и следованию приличиям.

Следующей особенностью личности Григоровича является желание находиться за рамками статуса. Писатель до последнего хотел *«сохранить на корабле полную независимость»* и путешествовать без вестового. Титул, каким к нему начинает обращаться слуга, – «Ваше благородие», *«не производит впечатления»* [Григорович 1873: 65]. Данный титул в диалогической речи писатель сразу сокращает до *в.б.*

Таким образом, отметим, что Григорович воплощает в себе такие личностные черты, как романтичность, мечтательность, энтузиазм,

⁷⁸ Григорович, Д.В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 59.

свободолюбие, интерес ко всему новому, независимость собственных суждений и добропорядочность.

3.2.9 Автор и женщины (особенность личных предпочтений)

В своих очерках Григорович подробно останавливается на описании женщин, отзываясь о них как о лучшей половине человечества [Григорович 1873: 341].

Примечательно, что только по отношению к женскому полу писатель использует диминутивы: *«нежная ручка особы прекрасного пола»* [Григорович 1873: 348]; *«звонкий голосок»* [Григорович 1873: 360]; *«хорошенькое личико»* [Григорович 1873: 376]; *«шляпки покрывали ее голову»* [Григорович 1873: 350]; дамские *ножки* [Григорович 1873: 130]; *«из окна выглядывало несколько женских головок»* [Григорович 1873: 96]; *«никогда прежде не видел я таких прелестных губок»* [Григорович 1873: 279] и др.

Обходительность в отношении женщин видна и при обращении писателя к номинации *читатель*: *«желал бы я знать, почтенный читатель, и особенно вы, моя милая читательница, какого мнения о кают-компании?»* [Григорович 1873: 47].

При описании женского пола в своих очерках писатель нередко использует номинацию *фея*: *«В комнату влетела хорошенькая фея»* [Григорович 1873: 200] и др. При этом писатель использует следующие оценочные лексемы: *молоденькая, хорошенькая/прехорошенькая, миленькая, тоненькая* и др.

Отметим, что Григорович с интересом сравнивает не только быт и нравы народов, но и женщин разных культур: *«успев присмотреться к испанскому типу, – кадитанки оставляют более сильное впечатление»* [Григорович 1873: 246]; *«ручки и ножки составляют у андалузянок главный предмет щегольства»* [Григорович 1873: 247]; *«севильянки живее кандитанок, их*

движения проникнуты чем-то смелым, игривым, кокетливым» [Григорович 1873: 279] и др.

Григорович делится с читателем своими переживаниями в отношении воспитания французских девушек: *«воспитание, которое ожидает их, превратит в идиоток и рабынь развращенного мужа. Бедные девочки!»* [Григорович 1873: 201].

Подводя итог рассуждениям, отметим, что Григорович в своих очерках большое внимание уделяет женскому полу, выказывая к нему теплые и нежные чувства, о чем свидетельствует лексика писателя.

Выводы

Изучение языковой картины мира на основе воспоминаний Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"» помогает лучше понять особенности авторского сознания, ценностные ориентации и языковые приоритеты писателя.

Так, исследование показало, что отличительной особенностью авторского «Я» Григоровича является выстраивание доверительного диалога с читателем, в котором писатель раскрывает черты своей личности, а также делится знаниями об окружающей его действительности. При описании окружающего мира писателю в большей степени присуща ориентация на положительную оценку, что подкрепляется бóльшим количеством оценочных прилагательных с позитивной коннотацией. Свои положительные эмоции в отношении увиденного писатель выражает через такие прилагательные, как *великолепный, роскошный, замечательный, превосходный* и многие другие, помогающие ему донести до читателя всю красоту увиденного и осмысленного.

В исследовании было установлено, что Григоровичу свойственны три яркие особенности восприятия: ориентация на визуальную составляющую,

опора на художественное мышление и опора на инженерное мышление, что отражается в его языке яркой поэтической образностью.

Григорович проявляет живой интерес к историческому и художественному опыту. Писатель выделяет для себя отличительные черты в характере как своих соотечественников, так и народов других стран.

Большое внимание в своих воспоминаниях Григорович уделяет женскому полу, выказывая к нему теплые и нежные чувства, о чем свидетельствует лексика.

Также по результатам исследования можно выделить следующий ряд личностных черт, которые воплощает в себе писатель: романтичность, мечтательность, энтузиазм, свободолюбие, интерес ко всему новому, независимость собственных суждений и добропорядочность.

Отметим, что свои очерки писатель наполняет богатым языковым материалом. Так, в исследуемом тексте представлена морская лексика, французские заимствования и вкрапления, экзотизмы, большой ряд пословиц, поговорок и крылатых выражений, а также заимствования из других языков, с которыми Григорович активно знакомит читателя.

В своем произведении Григорович проявляет большой интерес к изучению быта матросов, однако не идеализирует корабельную жизнь и не считает себя ее частью. Описывая нравы на корабле, писатель ориентируется на среду, наполняя очерки интересными, а главное живыми описаниями. Также в тексте можно наблюдать активную персонификацию корабля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день изучение эго-документов является не только актуальным, но также межкультурным и междисциплинарным явлением.

В теоретической части работы было установлено, что в науке об эго-документах впервые заговорил Я. Прессер. Под эго-документами исследователь понимал такие письменные источники, в которых максимально исчерпывающе раскрывается «Я» автора. Затем данное понятие получило распространение в ряде других языков, в том числе и русском. В современной отечественной науке повышенный интерес к этой теме со стороны соотечественников можно наблюдать в работах Ю.П. Зарецкого, Л.А. Софроновой, М.Ю. Михеева, Л.П. Репиной, Н.В. Суржиковой и др.

Множество ученых начинают исследовать источники, содержащие следы жизненного опыта, через их лингвокультурные особенности. Основопологающим в такой сфере понятием становится понятие о *языковой картине мира*.

Возникновение исследуемого явления восходит к трудам немецкого физика Г. Герца, который первым обозначил метафору *мир = картина*. Л. Витгенштейн, рассматривая связь между языком и действительностью, первым предложил лингвистическую интерпретацию метафоры Герца.

В современной отечественной лингвистике в рамках данной проблемы работают такие исследователи, как Н.Д. Арутюнова, Анна. А. Зализняк, Ю.Н. Караулов, Н.Ю. Шведова, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев и мн. др.

Языковая картина мира представляет собой определенную информацию о мире, транслируемую с помощью разноуровневых языковых единиц.

Анализ языковой картины мира Д.В. Григоровича осуществлялся на материале его воспоминаний «Корабль "Ретвизан"» с целью понимания особенностей авторского сознания, ценностных ориентаций и языковых приоритетов писателя. Для удобства анализ был разделен на ряд

составляющих, в которых рассматривается та или иная особенность, связанная с языковой картиной мира писателя.

Так, исследование показало, что отличительной особенностью авторского «Я» Григоровича является выстраивание доверительного диалога с читателем через позитивно-ироничную доминанту текста.

При описании окружающего мира писателю в большей степени присуща ориентация на положительную оценку, что подкрепляется бóльшим количеством оценочных прилагательных с позитивной коннотацией. Прилагательные с отрицательной оценкой свойственны для описания погодно-климатических условий во время плавания на корабле.

Исследование помогло выделить яркую особенность языковой картины писателя: Григорович пишет, рисуя. Писатель интересен тем, что способен перенести восприятие художника в литературный текст, используя свою особую образность. При описании природы он часто мыслит формами и линиями, с особой тщательностью подбирает цвета, а также обращает внимание на гармонию света и тени.

Особенностью языковой картины мира писателя является и его опора на инженерное мышление. Наличие инженерного образования позволяет Григоровичу рассуждать об оснащении корабля и отмечать использованные технические новшества. Также в тексте присутствует особая образность через элементы, которые встречаются в архитектуре.

В исследовании было установлено, что Григоровичу свойственна ориентация на визуальную составляющую. Например, для выражения зрительного восприятия писатель активно использует глаголы, особенность которых заключается в выражении целенаправленного восприятия в течение длительного времени.

Свои очерки Григорович наполняет богатым языковым материалом. Так, в тексте представлена морская лексика, экзотизмы, а также большое количество соматической фразеологии и соматических сравнений.

В данном подразделе любопытным кажутся и конфиксальные прилагательные на без- и образованные от них дериваты, которые являются особенностью словообразовательной системы русского литературного языка XIX века.

Отметим, что писатель не ограничивается общеизвестными крылатыми изречениями и придумывает свои собственные, а также использует знаменитые выражения из других языков.

Умелое владение языковыми средствами и знание культурного кода позволяют Григоровичу проводить любопытные сравнения в отношении других людей и давать им нарицательные имена.

В тексте наблюдается большое количество вкраплений из французского языка, а также французских заимствований. По всей видимости, привычка к использованию французских слов у писателя объясняется его происхождением.

Было установлено, что Григорович проявляет живой интерес к историческому и художественному опыту. Писатель выделяет для себя отличительные черты в характере как своих соотечественников, так и народов других стран, а также стремится явить собой пример просвещенной личности, умеющей понять и оценить исторический опыт другого народа. Григорович с быстротой и интересом перенимает у народов других стран их языковой материал, который затем использует в своей речи.

Писатель не обходит вниманием и женский пол, выказывая к нему теплые и нежные чувства, о чем свидетельствует его лексика.

Отметим, что Григорович интересуется бытом матросов и самим кораблем. При описании матросов он пользуется устойчивыми сочетаниями с зооморфизмами, которые служат своеобразным мостом к пониманию их сущности. При описании корабля со стороны Григоровича наблюдается активная персонификация.

Также в исследуемом тексте писатель придает важное значение соотношению *человек-среда* и часто задумывается, как окружение влияет на человеческое сознание.

Итак, была предпринята попытка изучить языковую картину мира на основе воспоминаний Д.В. Григоровича «Корабль "Ретвизан"». Однако представленное исследование не решает полностью обозначенной проблемы. Дальнейшая работа по изучению языковой картины мира может быть продолжена на материале других произведений Д.В. Григоровича и ориентирована на поиск иных языковых составляющих языковой картины мира, не включенных в данное исследование (например, функционирование в текстах имен-концептов).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений. – М.: Унив. тип., 1875. – Т. 2. – 653 с.
2. Аристархова, О.С. Языковые особенности дневников русских философов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – М., 2014. – 257 с.
3. Арсеньев, В.К. По Уссурийскому краю. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1986. – 235 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
5. БАС – Большой академический словарь – СПб.: Наука, 2004–<...>.
6. Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. – М.: Гослитиздат, 1955. – 184 с.
7. Богданова, Е.В. Проблема реконструкции языковой личности автора в художественных произведениях дневникового жанра // Вестник Московского университета. – 2009. – №4. – С. 89–96.
8. Бондарева, Л.М. Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа («литература воспоминаний» в свете прагмалингвистики) // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград: Изд-во КГУ, 1996. – С. 27–33.
9. Бруй, Л.Н. Экспрессивный синтаксис дневниковых записей // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. – 2018. – №3. – С. 18–20.
10. Буссенар, Л.А. Капитан Сорвиголова. – М.: Оникс, 2007. – 317 с.
11. Быков, П.В. Силуэты далекого прошлого. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. – 240 с.
12. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung. – М.: УРСС, 2004. – 229 с.
13. Верн, Ж.Г. Таинственный остров. – М.: Детская литература, 1981. – 606 с.

14. Вильчинский, В.П. Русские писатели-маринисты. – М.: Наука, 1966. – 255 с.
15. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Иностран. лит., 1958. – 133 с.
16. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
17. Герц, Г.Р. Принципы механики, изложенные в новой связи. – М.: Акад. наук СССР, 1959. – 386 с.
18. Григорович, Д.В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1987. – 333 с.
19. Григорович, Д.В. Корабль "Ретвизан" (Год в Европе и на европейских морях): Путевые впечатления и воспоминания. – СПб. : тип. Скарятин, 1873. – 391 с.
20. Гумбольдт, В. ф. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
21. Деннингхаус, В, Савин, А.И., Савина, Т.В «Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л.И. Брежнева» // Идеи и идеалы. – 2017. – №2. – Т. 1. – С. 92–102.
22. Дюмон, Н.Н. Лингвистические особенности произведения мемуарного жанра «Mémoires et dictées» («Воспоминания и записки») Ж. Сименона // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – №4. – С. 253–258.
23. Зализняк, Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 691 с.
24. Зализняк, Анна А, Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Яз. славянских культур, 2005. – 540 с.
25. Зарецкий, Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – №1. – С. 7–26.

26. Зарецкий, Ю.П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. – 2008. – №1. – С. 329–340.
27. Зарецкий, Ю.П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – №3. – С. 184–199.
28. Калиновская, В.Н, Старовойтова, О.А. Лексическое наполнение активной словообразовательной модели (на примере новообразований пушкинской эпохи) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – №2. – Т. 42. – С. 103–109.
29. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2004. – 261 с.
30. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – М, 2008. – 534 с.
31. Книга Устав морской: О всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море. – СПб.: Гос. тип., 1720. – Т. 2. – 162 с.
32. Луцевич, Л.Ф. Автобиографические исповеди в литературе: претексты, тексты, контексты. – М.: Наука, 2020. – 502 с.
33. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
34. Местергази, Е.Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. – М.: Совпадение, 2007. – 378 с.
35. Михеев, М.Ю. Дневник как эго-текст в России XIX–XX вв. – М.: Водолей, 2007. – 264 с.
36. Пальман, В.И. Кратер Эршота. – М.: Детгиз, 1958. – 262 с.
37. Петешова, О.В. Особенности реализации языковой картины мира в текстах литературной диаристики: на материале дневников немецкоязычных писателей XX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Калининград, 2019. – 176 с.

38. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 559 с.
39. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 7–13.
40. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собрание сочинений. – М.: Гослитиздат, 1936. – 543 с.
41. Самотик, Л.Г. Экзотизмы в художественном тексте // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2006. – №3. – С. 12–20.
42. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
43. Соболевский, А.И. Великорусские народные песни. – СПб.: Гос. тип., 1900. – Т. 6. – 544 с.
44. Софронова, Л.А. «Записки» Яна Хризостома Пасека: дневник, роман, энциклопедия. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – 398 с.
45. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. – Л.; СПб.: Наука, 1984–<...>
46. Суржикова, Н.В. Россия 1917 года в эго-документах. – М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2017. – 677с.
47. Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург: АсПУр, 2014. – С. 6–13.
48. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
49. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 72. – 409 с.

50. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – 1960. – №1. – С. 135–198.
51. Филатова, Н.М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. – 2018. – №1. – С. 24–40.
52. Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: Тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01 – М., 1997. – 536 с.
53. Шафранов, С.Н. Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний. – Ревель: Ф. Клуге, 1865. – 440 с.
54. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3–16.
55. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – №1. – С. 47–56.
56. Amelang, James S. The Flight of Icarus: Artisan Autobiography in Early Modern Europe. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – 344 p.
57. Baggerman, A, Dekker, R. Jacques Presser, Egodocuments and the Personal Turn in Historiography // The European Journal of life Writing. – 2018. – Vol. 7. – P. 90–111.
58. Burke, P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present. – 1997. – №2. – P. 21–24.
59. Dale van, J.H. Groot woordenboek der Nederlandse taal. – Nederlandse: Nijhoff, 1976. – Vol. 1. – 1200 p.

60. Dekker, R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth Century // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. – 1999. – №2. – Vol. 23. – P. 256–263.

61. Presser, J. Memoires als geschiedbron // Winkler Prins Encyclopedie. – 1958. – Vol. 8. – P. 277–282.

62. Schulze, W. Ego-dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichtein. – Berlin: Akad.-Verl., 1996. – 513 p.